

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

ТАЙНА

УБИТОЙ АКТРИСЫ

Алексей Викторович Макеев
Николай Иванович Леонов
Тайна убитой актрисы
Серия «Полковник Гуров»
Серия «Черная кошка»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63819426
Тайна убитой актрисы: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-117633-4

Аннотация

В городе Заозерске убита актриса местного драмтеатра Елена Прокофьева. Женщину нашли со следами жестоких пыток. В квартире и в театральной гримерке Елены явно что-то искали. Следователи МУРа Гуров и Крячко подозревают мужа убитой. Тот, помимо основной работы музыканта, был еще известным карточным игроком. Возможно, он попросту проиграл жену... Однако вскоре эта версия зашла в тупик. Зато Гуров выяснил другое любопытное обстоятельство: актриса почему-то тщательно скрывала свое прошлое. Сыщики едут на ее родину, в Ростов, еще не зная, какие шокирующие подробности биографии убитой откроются им в тех краях...

Содержание

Тайна убитой актрисы	6
Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	27
Глава 4	40
Глава 5	50
Глава 6	60
Глава 7	72
Глава 8	81
Глава 9	91
Глава 10	100
Глава 11	110
Глава 12	120
Глава 13	130
Глава 14	138
Конец ознакомительного фрагмента.	144

Николай Леонов, Алексей Макеев Тайна убитой актрисы

© Макеев А.В., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Николай
ЛЕОНОВ

Алексей
МАКЕЕВ

**ТАЙНА
УБИТОЙ
АКТРИСЫ**

Тайна убитой актрисы

Глава 1

Никита Маркелов, студент театрального факультета консерватории, очень спешил. Он должен был выполнить поручение помощника режиссера, причем весьма ответственное. Ему нужно было сбегать на квартиру к актрисе драматического театра Елене Анатольевне Прокофьевой, выяснить, почему она не явилась на генеральную репетицию и не отвечает на звонки. Сделать это парень должен был срочно. Ему велено было не просто выяснить, что случилось с Еленой Анатольевной, но и обязательно привезти ее в театр.

Помощник режиссера Алла Аркадьевна, женщина весьма суровая, так и сказала Никите:

«Без Лены не возвращайся! Не приведешь актрису, пойдешь под расстрел. Практику я тебе точно не подпишу».

Выглядело это как шутка, но кто ее знает? Ведь в каждой шутке, как известно, есть и кое-что еще. Особенно если так тонко шутит такой серьезный человек, как Алла Аркадьевна. Остаться без хорошей оценки Никите совсем не хотелось.

Этой осенью он проходил практику в драматическом театре родного Заозерска. Выходил в массовке в «Царе Эдипе» и в «Женитьбе Бальзамина», получил две небольшие

роли: одну в пьесе «На дне», другую в драме современного автора «Квартира».

Все это Никите ужасно нравилось. За время практики парень окончательно утвердился в своем выборе. Да, два года назад он правильно сделал, что не поддался уговорам родителей, не пошел в политехнический, а подал документы в театральный. Какая здесь жизнь кипит, как все интересно! К тому же есть с кого брать пример.

Главный образец для подражания – та самая актриса, к которой Никита сейчас спешил. Елене Прокофьевой было всего двадцать четыре года, чуть больше, чем Никите, однако она уже успела многого добиться в жизни. Эта девчонка пришла в театр всего три года назад, но быстро выдвинулась на первые роли, получила известность у зрителей.

Да что там зрители! Ведь они, как всем нормальным людям известно, существа внушаемые. Что им скажут знатоки театральной жизни, в то они и верят. А знатоки в один голос твердили, что Леночка Прокофьева обладает немалым драматическим талантом и пойдет очень далеко.

Не только заозерские критики были столь милостивы к юной актрисе. Когда провинциальный театр гастролировал в столице, ее игра в мистической драме «Знаки» и знаменитом «Вишневом саде» была признана блестящей. Лена Прокофьева получила приглашение сниматься в сериале, а затем и в полнометражном фильме, причем на одну из главных ролей.

Заозерские театралы заговорили о том, что недолго им осталось любоваться игрой своей землячки, стремительно набиравшей известность. Она ведь как пить дать скоро переберется в столицу и попадать в родной город будет очень редко.

Надо ли говорить, что молодые актеры, а тем более студенты театрального факультета относились к этой молодой, но уже знаменитой особе с повышенным вниманием. Ей отчаянно завидовали, пытались подражать. Некоторые, прежде всего девушки, правда, частенько морщили носики, говорили, что Ленка переигрывает. Мол, внешность у нее не блестящая, так себе, а характер не просто плохой, а самый что ни на есть стервозный. Но когда звездам не завидовали? В театре всегда так.

Что же касается Никиты Меркулова, то он свою знаменитую коллегу обожал. Теперь, получив такое ответственное поручение, молодой человек взялся его исполнить с большим удовольствием.

Прокофьева жила на улице имени Щорса, то есть сравнительно недалеко от театра. Однако Никита помнил, что ему предстоит не только разбудить запоздавшую актрису, если, конечно, она спит, но и быстро доставить ее в театр. Поэтому он решил не скупиться и взять такси. Можно будет сразу посадить Елену Анатольевну в машину и ехать обратно. Парень сосчитал наличные деньги. На поездку туда и обратно их должно было хватить. Поэтому Никита позвонил в службу

«Быстрый курьер» и заказал экипаж. Машина пришла, как и обещала фирма, буквально через пять минут.

Вскоре посланец суровой Аллы Аркадьевны топтался у подъезда девятиэтажного дома, в котором жила знаменитость. Тут возникла заминка. Дверь подъезда была заперта, ключа у Никиты, естественно, не было. На звонок по домофону никто не откликнулся, хотя Никита делал это аж четыре раза.

К счастью, в это время к подъезду подошла женщина лет пятидесяти, типичная домохозяйка с пакетом, полным продуктов. Как видно, в магазин ходила. Она открыла дверь своим ключом, и Никита смог попасть внутрь. Вслед за этой женщиной он поднялся на площадку первого этажа.

Они остановились перед лифтом, женщина подозрительно оглядела Никиту и спросила:

– Это в какую же квартиру вы идете?

– В двадцатую, – ответил студент, не удержался и похвастался: – К Елене Прокофьевой. Слышали про такую?

– Слышала, конечно, – ответила женщина и скривилась. – Шуму от нее много, это точно.

Она хотела сказать еще что-то неприятное про знаменитую актрису, но тут подошел лифт, открылись двери. Никита шагнул в кабину.

Женщина тоже собиралась войти, но прислушалась к звукам, доносившимся с лестницы, и сказала, ни к кому не обращаясь:

– Никак Валерий Федорович с третьего этажа спускается. Надо у него насчет подвала спросить, какой будет график на этой неделе. – Она направилась в сторону лестницы.

Никита же рассудил, что ему ждать загадочного Валерия Федоровича необязательно, и нажал кнопку пятого этажа.

Поднявшись туда, он поглядел сначала налево, потом направо, увидел хромированную железную дверь с позолоченными цифрами, подошел к ней, взялся за ручку и с удивлением обнаружил, что створка слегка приоткрыта.

«Все-таки до чего же беспечные мы люди, актеры! – подумал посланец театра. – Конечно, бандитизма сейчас особого нет, но никак нельзя вот так дверь нараспашку оставлять».

Однако пользоваться беспечностью знаменитой артистки он не стал, ему и в голову такое не пришло. Вместо этого парень, как и полагается, нажал на кнопку звонка и услышал певучую мелодию где-то сразу за дверью. Потом наступила тишина. На сигнал никто не отзывался. Никита подождал минуту-другую и снова нажал на кнопку.

В это время он услышал, как сзади захлопнулись двери лифта и кабина пошла вниз. Ладно, ему нет никакого дела до этого. Важно дозвониться до Елены Прокофьевой. Молодой человек снова нажал на кнопку и теперь не отпускал ее. Звонок внутри не умолкал, но по-прежнему ничего не происходило.

Тут Никита услышал, как у него за спиной открылись двери лифта. Он обернулся и увидел все ту же тетку с пакетом.

Она его тоже узнала, опять скривилась, направилась к своей двери, расположенной на другой стороне площадки, но вдруг остановилась и сказала:

– А ведь дверь-то у нее до сих пор открытая!

В других условиях Никита не стал бы разговаривать с такой неприятной особой, промолчал бы, да и все. Но теперь он был в растерянности, ему нужно было хоть с кем-то посоветоваться, пусть и с этой теткой.

Поэтому парень отозвался:

– Что значит «до сих пор»? Вы уже видели, что дверь была открыта?

– Ну да! – сказала женщина. – Я, когда в магазин пошла, заметила, что у соседки дверь чуть ли не настежь. Но там такая семейка. У них что угодно случиться может. Поэтому я ничего говорить не стала, пошла по своим делам. И вот возвращаюсь, а тут все еще открыто!

– Я тоже удивился, что открыто, – сказал Никита. – И на звонки никто не отвечает.

– Ну, так ты позови ее, Ленку-то, – посоветовала ему домохозяйка.

Никита решил так и сделать, чуть приоткрыл дверь и громко проговорил:

– Елена Анатольевна, я из театра! Меня Алла Аркадьевна прислала!

Ответом ему было молчание.

– Тут что-то неладно, – уверенно заявила женщина с па-

кетом. — Надо посмотреть. Может, ей плохо стало? Или и того хуже. Да и мужик этот почему-то спускаться не стал.

— Какой мужик? — не понял Никита.

— Ну, я внизу думала, что это старший по подъезду идет, хотела у него насчет подвала спросить. Поднялась на несколько ступенек, сейчас, думаю, его дождусь. А он вдруг спускаться перестал. Я зову, мол, Валерий Федорович, а никто не откликается. Я до второго этажа добралась, да только и он наверх подался.

— Кто «он»?

— Откуда я знаю? Мне не доложил. В общем, я плюнула и домой на лифте поехала. А тут эта дверь открытая. Давай заглянем. Если что, мы оба будем свидетелями.

Тут Никите стало страшно. Наверное, в одиночку он не пошел бы в квартиру. Но показывать страх перед этой теткой было унижительно.

Поэтому парень сказал:

— Хорошо, давайте заглянем.

Тетка подошла к нему, все так же неся свой пакет.

Она отстранила Никиту, открыла дверь молчащей квартиры и громко спросила:

— Лена, ты дома?

Ей никто не ответил. Тогда женщина шагнула в прихожую.

Никита последовал за ней. Он отметил, что прихожая у знаменитой артистки в общем-то вполне стильная, но мог-

ла бы быть и получше.

Между тем женщина шла дальше. Она миновала прихожую и коридор, ведущий на кухню, которую было отсюда видно. Там никого не было.

Женщина и Никита, теперь уже рядом, сделали еще несколько шагов. Здесь открывались двери в две комнаты, расположенные по обеим сторонам коридора. Никита и его спутница, словно сговорившись, посмотрели сначала направо. Там было пусто, только беспорядок большой. Потом они взглянули налево.

— Ах ты, мать моя! — воскликнула женщина. — Вот ужас-то какой!

Никита ничего не воскликнул. У него вдруг резко сдавило горло, и перед глазами все поплыло.

Глава 2

– Вот такие пироги, Лев Иванович, – сказал генерал Орлов и внимательно посмотрел на своего подчиненного. – Убита актриса драматического театра, известный в городе человек, да не просто так, а, я бы сказал, с изощренной жестокостью. Коллеги из Заозерска начали расследование. Вначале они думали раскрыть это дело быстро, составили список подозреваемых. Аж пять человек в нем было. Но потом все эти персонажи один за другим отпали по разным причинам. Так что сейчас заозерские оперативники остались ни с чем. Мне сегодня утром звонил начальник тамошнего управления Николай Васильевич Данилов, так он был просто в отчаянии. Люди в городе очень негативно воспринимают неудачу правоохранительных органов, их неспособность раскрыть это громкое преступление. Поэтому Николай Васильевич слезно просил, чтобы я прислал тебя на помощь его подчиненным. Давай, Лев Иванович, слетай в Заозерск, помоги коллегам!

Гуров выслушал начальника главка, кивнул и проговорил: – Хорошо, слетаю. Надо раскрыть убийство, я это сделаю. Такова уж моя работа. Только позвольте, товарищ генерал, взять с собой полковника Крячко. Раз все тамошнее управление не справилось с этой задачей, значит, она не такая простая. Для ее решения мне понадобится помощь опытного коллеги.

– Я так и знал, что ты об этом попросишь, – отвечал Орлов. – Ладно, так и быть, бери своего Крячко. Но чтобы в таком случае убийство было непременно раскрыто! И желательно, чтобы вы уложились в не слишком большой срок.

– Постараемся, товарищ генерал, – ответил Гуров. – Скажите, а какие-нибудь данные коллеги из Заозерска прислали? Или генерал Данилов только слезы лил?

– Нет, почему же только слезы? Он целую папку файлов переслал, – сказал Орлов. – Я их все велел распечатать, причем сразу в двух экземплярах. Вот, бери. В самолете у вас будет время, изучите, ознакомьтесь с делом.

В тот же вечер два опытных оперативника сидели рядом в салоне самолета, державшего курс на северо-восток. Перед каждым на столике лежала куча бумаг, полученных от генерала Орлова. Первый час полета прошел в молчании. Гуров и Крячко изучали материалы дела, порученного им.

Затем Стас Крячко прервал молчание.

– Ну вот, я вроде все посмотрел, – сказал он. – Интересное дело! Ты обратил внимание на фотографии, сделанные на месте убийства?

– А ты как думаешь? – ответил Гуров. – Ты же знаешь мой принцип. Картина преступления должна быть изучена досконально, здесь нельзя упустить ни одной детали. Фото я, конечно, смотрел. Они весьма примечательные. Похоже, эту актрису, Елену Прокофьеву, не просто убили. Ее перед смертью пытали. От нее наверняка хотели что-то узнать. Это

соображение приходит в голову самым первым.

– Я подумал то же самое, – проговорил Крячко. – У этой мысли есть еще одно подтверждение – беспорядок во всех комнатах.

– Да, похоже, что убийца что-то искал, – сказал Гуров. – Впрочем, делал он это довольно бегло, словно его что-то спугнуло. При таких обстоятельствах странно, что заозерские правоохранители первым делом подумали на мужа актрисы. С какой стати он стал бы пытаться собственную жену, да еще устраивать обыск в своей квартире?

– Почему же? Какая-то логика в таком предположении все-таки есть, – заметил Крячко. – Сам понимаешь, у актрис бывают поклонники. Такое очень часто случается. Нравы в актерской среде совсем не такие, как, скажем, среди ученых. У Елены Прокофьевой мог быть богатый покровитель, который дарил ей бриллианты и золотые украшения. Муж узнал об этом, заревновал. Вот к чему это привело. А обыск законный супруг устроил потому, что искал сокровища, спрятанные женой.

– Вот ты все и объяснил, – сказал Гуров. – Да, похоже, в психологии коллег из провинции ты разбираешься неплохо. Можно поверить, что они так и рассуждали. Видишь, вот здесь значит, что муж, Иннокентий Прокофьев, был задержан по подозрению в убийстве супруги, но спустя двое суток отпущен. Значит, версия с ревнивцем не сработала.

– Как и версия с руководителем Елены, главным режис-

сером театра Аркадием Саморуковым, – подхватил Крячко. – Вот тут написано, что его тоже допрашивали. Как и коллег Елены, актеров, технических работников театра, администраторов. В общем, наши заозерские коллеги успели допросить кучу народу.

– Допросили кучу народу, и все без толку, – заключил Гуров. – Я прочитал все показания, полученные в ходе этих допросов, и не нашел в них ничего, что бы могло пролить свет на это преступление. На редкость бестолковые показания!

– Но я думаю, что ты уже наметил, где будем искать мы с тобой, – сказал Крячко. – Ты ведь предпочитаешь заранее составить план работы, наметить основные направления поиска.

– Да, кое-что я наметил, – ответил Гуров. – Прежде всего я хочу поговорить с людьми, которые обнаружили тело погибшей актрисы. Как их?... – Он нашел нужную страницу дела. – Ага, вот. Студент Никита Маркелов и уборщица Светлана Почечуева, соседка убитой актрисы, проживавшая с ней в одном подъезде и даже на одном этаже. Там есть еще таксист, но мне кажется, что он не представляет интереса.

– А эти двое какой интерес представляют? – осведомился Крячко. – Мне их показания кажутся вполне исчерпывающими. Тут ребята из Заозерска поработали профессионально, выспросили каждую деталь.

– А у меня такое впечатление, что не каждую, – заявил Гуров. – Там есть какой-то неясный момент, и я хочу прежде

всего поговорить именно с этими людьми. Следующим нашим собеседником должен стать муж, этот самый Иннокентий.

– Но ведь у него железное алиби! – воскликнул Крячко. – Я бы даже сказал, что не железное, а железобетонное. Мужик не просто находился в деловой поездке. Он еще умудрился так основательно надраться, что устроил потасовку в ресторане и попал в полицию. Вот, видишь протокол задержания? Из него следует, что в то самое время, когда Елену Прокофьеву кто-то мучил и убивал, ее муж сидел в участке, расположенном в городе Волгограде. Так что к убийству он не может быть причастен.

– Я и не говорю, что он убивал свою жену, – ответил Гуров. – Вообще не собираюсь сломя голову кидаться на поиски убийцы. Я уверен, что это ошибочный путь. Перед нами долгое, кропотливое расследование.

– Хорошо, что тебя генерал не слышит, – заметил Крячко. – Он ведь перед нами какую задачу ставил? Провести расследование быстро, в сжатые сроки найти убийцу актрисы и передать его в руки правосудия. А ты говоришь, что не собираешься искать этого типа.

– Ты не перевирай, – строго заметил Гуров. – Я не так говорил. Я сказал, что не собираюсь кидаться на поиски убийцы сломя голову. Изучив эти материалы, я понял, что дело это не такое простое, каким кажется на первый взгляд. В нем не предвидится быстрого, простого решения. Нет здесь ни-

какого убийства из ревности. Да и грабежа, мне кажется, тоже нет.

– Как же нет грабежа? – с удивлением спросил Крячко. – Ты заметил, что показал Иннокентий Прокофьев, когда осмотрел квартиру? Он заявил, что пропали золотые часы, принадлежавшие его жене. Из квартиры исчезли серебряные ложки, коллекция старинных монет, еще какие-то вещи.

– Да, одни вещи преступник взял, а другие, такие же дорогие, почему-то оставил, – заметил Гуров. – Например, норковую шубу и шапку актрисы, ее телефон. Станный какой-то преступник, правда? Нет, Стас, это не грабеж, а всего лишь имитация такового. В общем, мне кажется, что нам нужно будет глубоко вникать в это дело, изучать все окружение убитой женщины. Постараемся, конечно, сделать все это как можно быстрее, но я бы на твоём месте не стал рассчитывать на скорый результат.

Сыщики прилетели в Заозерск вроде бы довольно рано, в три часа дня по московскому времени. Однако здесь уже было пять. В городе близился вечер.

В аэропорту к сыщикам подошел молодой человек и спросил:

– Простите, это не вы будете Гуров и Крячко?

– Ошибаетесь, молодой человек, мы Волк и Заяц из мультика, – отвечал Крячко. – Сейчас начнем друг за дружкой гоняться. А что?

– Я лейтенант Козлов, – представился парень. – Меня по-

слал майор Проценко, чтобы вас встретить и проводить в гостиницу. Где ваши вещи? Давайте я донесу.

– Вот еще, вещи тебе отдать! – проворчал Крячко. – Может, у меня там секретные материалы? Да и вообще... Скажи, Лев Иванович, мы разве с тобой устали, срочно нуждаемся в отдыхе?

– Да, насчет этого пункта у меня тоже есть большие сомнения, – сказал Гуров. – Это я насчет гостиницы. До ночи еще далеко, и мы сюда не отдыхать приехали. Давай, лейтенант, лучше поедem в ваше управление и побеседуем с твоим начальником майором Проценко. Это не он, случайно, ведет расследование убийства актрисы Прокофьевой?

– Так точно, это расследование возглавил Константин Петрович, – ответил лейтенант.

– И что в таком случае помешает нам с ним встретиться и побеседовать? – спросил Крячко. – Или он уже дома сидит, чай пьет и котлету кушает?

– Какая котлета! – возмутился Козлов. – У нас третий день все управление на ушах стоит. Мы все этим делом занимаемся. То одно направление проверяем, то другое. Майор сейчас, конечно, на работе. Только он мне строгое указание дал, приказал отвезти вас в гостиницу, устроить, дать отдохнуть. А уже потом, когда у вас будут силы...

– Сил у нас хоть отбавляй, – заверил лейтенанта Крячко. – Просто через край лезут, прямо как тесто из квашни. Так что нечего тут рассусоливать, поехали в управление, с ходу

приступим к работе.

– Хорошо, поехали, – согласился лейтенант. – Но только уж вы сами объясните майору, что заставили меня это сделать.

– Не беспокойся, объясним, – заверил его Крячко.

Лейтенант довел визитеров до машины, сел за руль и повез их управление. По дороге он предупредил своего начальника о том, что план по размещению московских гостей в гостинице провалился. Они едут в управление.

Когда полковники прибыли на место и поднялись на второй этаж, где находился кабинет майора Проценко, там гостей уже ждали. Майор стоял посреди кабинета. Когда визитеры вошли, он представился первым. Это был человек среднего роста, лет около сорока, с коротко подстриженными черными волосами.

– Рад вас видеть, – сказал начальник управления, когда процедура представления закончилась. – Хотя вы и отказались ехать в гостиницу. Честно сказать, нам тут совсем не до отдыха.

– Вот и мы с Львом Ивановичем решили, что делу время, а потехе час, – ответил Крячко. – Давай, Константин Петрович, сядем рядом, поговорим ладком. У нас тут по дороге возникли кое-какие вопросы, вот мы бы их и задали.

– Да, конечно, садитесь. Давайте я введу вас в курс дела и отвечу на все вопросы, – сказал майор.

Они втроем сели вокруг стола майора. Лейтенант Козлов

примостился в углу.

– Вводить нас в курс дела нет необходимости, – сказал Гуров. – Начальник главка перед отлетом дал нам материалы, присланные вами, и мы успели их изучить. Так что какое-то представление об этом деле у нас есть. Поэтому я начал бы прямо с тех вопросов, которые у нас возникли.

– Хорошо, давайте начнем с вопросов, – согласился майор.

– Почему вы в первую очередь задержали мужа убитой актрисы, я, в общем-то, понимаю, – проговорил Гуров. – Вы подозревали его в убийстве из ревности, так?

– Именно так, – отвечал Проценко. – Чтобы вы лучше понимали суть дела, я вам покажу несколько фотографий убитой женщины. – Он выложил на стол десяток снимков Елены Прокофьевой.

Актриса была запечатлена в разных ролях, а также в своем естественном облике, такой, какой она выглядела во время встреч со зрителями.

Гуров взгляделся в эти снимки, покачал головой и заявил:

– Да она настоящая красавица! Какая милая женщина!

– Теперь вы понимаете, почему мы сразу подумали о ревности, – сказал майор. – Муж погибшей актрисы, Иннокентий Прокофьев, тоже мужчина видный, но все же не такой красавец, как Елена. Да вот он, посмотрите на него. – Майор выложил на стол вторую порцию фотографий, на которых был запечатлен Иннокентий Прокофьев.

Это был высокий, хорошо сложенный мужчина со жгуче-черными волосами, короткими усами и волевым подбородком.

– Да, мужчина видный, – сказал Гуров. – А чем он занимается?

– Иннокентий ведет курсы по обучению бизнесу, – ответил Проценко. – Если точнее сказать, он внушает людям уверенность в их способности заниматься каким-то делом. Эта специальность называется «бизнес-тренер». Я беседовал с людьми, с которыми он работал. Они говорят, что у него неплохо получается. Зарабатывает он вполне прилично.

– А как они познакомились с Еленой? И давно ли?

– Нет, сравнительно недавно. Они поженились два года назад, а познакомились за полгода до этого у приятелей Иннокентия. Елена попала туда вместе с подругой. Уж если речь зашла об их отношениях, то давайте я расскажу вам все, что мне удалось узнать на эту тему. Я беседовал с Сорокиными – это те самые люди, на квартире которых познакомились Елена и Иннокентий, – встречался и с другими друзьями. Все говорят, что Иннокентий глубоко любил жену, и она отвечала ему взаимностью. Никто из друзей этой семьи не мог вспомнить никаких конфликтов. Если таковые и были, то супруги никогда не выносили их наружу.

– Не может быть, чтобы не было никаких трений, – заметил Крячко. – Актерская среда весьма специфическая. Всегда имеются поклонники, ухажеры. Цветы, подарки, кто-то

провождает актрису после спектакля. Не может быть, чтобы муж не ревновал такую красавицу жену!

– Возможно, Иннокентий и ревновал, – произнес майор. – Скорее всего, так оно и было. Но эта ревность никогда не приводила к ссорам, о ней никто не знал.

– Тем не менее вы задержали Прокофьева именно по подозрению в убийстве из ревности, – сказал Гуров.

– Мы же тогда ничего не знали об их семейной жизни, – вступил в разговор лейтенант Козлов. – Это я потом уже выяснил про их отношения, когда меня товарищ майор послал все это узнавать. Тогда у нас и возникли сомнения в том, что это мог сделать Иннокентий. Тем более с такой жестокостью.

– Но освободили вы его из СИЗО не по этой причине, я думаю, – заметил Гуров. – А почему?

– Из-за алиби, – ответил Проценко. – У Иннокентия Прокофьева оно оказалось поистине железным. В день, когда была убита Елена, он не только был в деловой поездке в Волгограде, но еще и умудрился, находясь в ресторане, вступить в конфликт с какой-то соседней компанией и поучаствовать в драке. За это Прокофьев был задержан и провел ночь в участке. То есть он никак, даже теоретически, не мог прилететь в Заозерск, чтобы убить жену.

– Но ведь месть необязательно осуществлять собственными руками, – заметил Крячко. – Можно и киллера нанять. Вы эту возможность не проверяли?

– Как раз сейчас мы ее и проверяем, – ответил майор. –

Отслеживаем все контакты Иннокентия за последние два месяца, прослушиваем звонки. Пока ничего похожего не находится.

– Иннокентий вообще не тот человек, который станет наемным киллера, планировать убийство, – добавил лейтенант. – Если психологический портрет человека хоть что-то значит, то в данном случае он решительно говорит: нет, Иннокентий этого не делал!

– Что ж, я вижу, пора мне взглянуть на этот портрет самому, – сказал Гуров. – Я имею в виду, что надо бы мне побеседовать с мужем погибшей актрисы. Теперь я считаю, что надо начать с него, а уже затем встретиться с двумя свидетелями, которые обнаружили тело убитой женщины.

– То есть вы сейчас хотите ехать к Иннокентию? – осведомился Проценко.

– Да, сейчас, – ответил Гуров. – Заодно я хочу осмотреть место преступления. Конечно, прошло три дня, все теперь выглядит не так, но все равно нужно взглянуть на эту квартиру. Да, кстати, дайте-ка посмотреть фото, сделанные криминалистами.

Проценко достал из ящика стола еще одну пачку снимков и разложил их перед сыщиком. Тот внимательно стал изучать эти картинки одну за другой. Его интересовало и фото, запечатлевшее труп самой Елены, лицо которой было изуродовано пытками, и общий вид комнаты, где было найдено тело актрисы, второе помещение и кухня.

Наконец Гуров отложил фотографии в сторону и сказал:

– Да, необычное дело, очень даже нерядовое. Надо обязательно поговорить с этими двумя свидетелями, а еще с коллегами убитой. А сейчас, если можно, давайте поедem, побеседуем с мужем погибшей актрисы.

– С этим никаких трудностей быть не должно, – заявил майор. – Иннокентий Прокофьев находится под подпиской о невыезде, из Заозерска он никуда отлучиться не может. Но на всякий случай я ему все же позвоню. Вдруг он к друзьям пошел горе заливать? Или не надо звонить? Может, вы хотите к нему внезапно нагрянуть, застать врасплох?

– Зачем же нам нужна такая внезапность? – сказал Гуров. – Позвони, узнай, дома человек или нет, предупреди о нашем визите. Да и поедem.

Майор достал телефон, нашел нужный номер. Спустя пару минут он сообщил сыщикам, что Иннокентий Прокофьев находится дома.

– Тогда вперед! – скомандовал Гуров.

Глава 3

Дом, в котором жила и была убита Елена Прокофьева, выглядел непримечательно. Это была самая обычная девятиэтажка новой постройки, правда, расположенная в хорошем районе. Майор позвонил в домофон, и, когда дверь открылась, сотрудники уголовного розыска поднялись на пятый этаж. Здесь их уже ждали. Дверь квартиры номер двадцать была приоткрыта. За ней стоял высокий черноволосый мужчина, которого Гуров совсем недавно видел на фотографии, муж убитой актрисы.

Однако сыщик отметил, что мужчина сильно изменился. На фотографии он выглядел уверенным в себе, энергичным, настоящим победителем. Сейчас же перед оперативниками стоял понурый человек, согнувшийся словно от тяжелой болезни. Это был совсем не победитель, а жалкий неудачник.

– Это вы из полиции? – спросил он. – Вы мне звонили? Проходите. – Иннокентий повернулся и направился в глубинную квартиру.

Он привел посетителей в комнату, посередине которой стоял красивый овальный стол, а вокруг него – стулья, выдержанные в том же стиле. Оперативники сели, хозяин устроился наискосок от них, на другом конце стола.

Гуров оглядел комнату и произнес:

– Давайте я сначала представлюсь. Меня зовут Лев Ива-

нович Гуров, я приехал из Москвы, чтобы помочь местным товарищам раскрыть убийство вашей супруги. Вот это мой коллега полковник Крячко, он тоже из Москвы. Ну а местных товарищей, я думаю, вы знаете. Скажите, эта комната, где мы сидим, гостиная?

– Да, у нас она считалась гостиной, а также столовой, – отвечал Прокофьев. – Еще она служила Лене для репетиций. Там, в спальне, меньше места. А ей иногда по роли нужно было двигаться, перемещаться, поэтому она здесь занималась.

– То есть днем ваша жена обычно находилась именно в этом помещении?

– Да, эта комната была у нее вроде кабинета. Вон там она распечатывала роли. – Прокофьев кивнул на компьютер и принтер, стоявшие на столике, приткнувшемся в углу комнаты.

– Компьютер, я думаю, ей был нужен в основном для переписки с театром? – предположил Гуров.

– Нет, переписывалась она по телефону, – ответил Иннокентий. – А компьютером пользовалась в основном для общего развития. Искала статьи о драматургах, о прежних постановках пьесы, которую они сейчас репетировали, о разных трактовках роли. Она очень вдумчиво ко всему подходила. – Его лицо исказилось словно от сильной боли, последние слова он едва выговорил.

Гуров с сочувствием поглядел на человека, сидевшего напротив него, и сказал:

– Простите, что мы вас расспрашиваем в такое время. Поверьте, я понимаю, как вам тяжело. Но ведь вы тоже хотите, я думаю, чтобы убийца вашей жены понес наказание. Чтобы это произошло, мы должны узнать все обстоятельства трагедии, случившейся здесь.

– Хочу ли я, чтобы он понес наказание? – медленно выговорил Иннокентий. – Да если бы я знал, кто он и где находится, то своими руками удушил бы этого мерзавца!

Он поднес к лицу свои довольно крупные, сильные руки. Сейчас они дрожали.

Гуров не стал больше говорить слов сочувствия. Он знал, что этим не поможет горю, даже наоборот, только растравит его. Сейчас нужно было вести допрос как можно более деловито, сухо.

– Как я понял из материалов дела, убийца провел в вашей квартире настоящий обыск, все здесь перерыл. Как вы думаете, что он искал? – проговорил Лев Иванович.

– Что искал? – Иннокентий пожал плечами. – Откуда я знаю? Возможно, просто дорогие вещи. И нашел их. У Лены были кое-какие украшения, в столе лежали деньги и коллекция старинных монет. Все это исчезло.

– В какую сумму вы оцениваете ваши потери?

– Меня уже просили оценить. – Иннокентий покосился на майора Проценко. – В общем, все это стоит около двадцати тысяч рублей.

– Не так уж и много, – задумчиво произнес Гуров. – Из-за

этой суммы люди не идут на такое преступление. Скажите, в последнее время вы не замечали вблизи вашего дома посторонних? Не видели, чтобы кто-то следил за вашей женой?

– Этот вопрос мне тоже уже задавали, – сказал Прокофьев. – Нет, никакой слежки я не замечал. Впрочем, я не считаю себя наблюдательным человеком. Думаю, что если какой-нибудь субъект будет идти за мной совершенно открыто, то я так его и не замечу. Лена тоже такая... была. Мы с ней всегда жили открыто, не думали ни о какой слежке.

– А звонки с неизвестных номеров? – продолжал спрашивать Гуров. – Они были?

– Были, конечно, – ответил Иннокентий. – Штук по десять в день, а иногда и больше. В основном звонили поклонники Елены, которые жаждали услышать ее голос. Если отвечала она, то эти люди вступали в разговор, если я – отключались. Еще, конечно, всякая реклама, мошенники. Вы же знаете, сейчас много всяких таких развелось.

– Поклонники, – пробормотал Гуров, затем повернулся к заозерским полицейским и осведомился: – Телефон Елены у вас находится? Если так, то вы все звонки на нем проверили?

– Еще нет, товарищ полковник, – ответил лейтенант Козлов.

Из этой фразы Гуров понял, что проверка телефона убитой актрисы была поручена именно ему.

– Чтобы до завтрашнего утра эта работа была закончена! –

жестко потребовал сыщик. – Проверить все входящие звонки, установить, с каких телефонов они сделаны, кому принадлежат эти аппараты.

– Какой период нужно охватить? – спросил лейтенант.

– Думаю, месяца хватит, – ответил сыщик.

– Месяц?! – удивился Козлов. – За такой период я до утра не успею.

– Ладно, дам тебе еще сутки, – сказал Гуров. – Но это крайний срок, – затем сыщик снова повернулся к Иннокентию и спросил: – Значит, слежки за собой или женой вы не заметили, особо подозрительных звонков тоже не было. Выходит, в жизни вашей семьи за последний месяц не случилось ничего особенного. Или все-таки что-то было? Постарайтесь вспомнить. Может быть, имел место какой-нибудь странный, даже нелепый эпизод, которому вы не придали значения?

– Странный эпизод, – медленно повторил Иннокентий слова сыщика. – Погодите, дайте вспомнить. Знаете, действительно было кое-что странное. Но мы не придали этому особого значения, даже заявление не стали писать.

– О чем заявление? – поинтересовался Гуров. – Что случилось?

– Да кто-то залез к нам на дачу, – объяснил суть дела Прокофьев. – Она находится на левом берегу Волги. Ничего особенного, обычный, самый простой домик, участок в четыре сотки.

– А кто занимался садоводством, вы или ваша жена? – спросил Крячко.

– Нет-нет, никаким садоводством мы не занимались! – Иннокентий махнул рукой. – Мы оба совершенно не по этой части. Дача нам досталась по наследству. Понимаете, мама у меня умерла два года назад и оставила мне этот участок. У нас с Еленой как раз в это время отношения были в самом разгаре, мы часто встречались, то здесь, то там. Ездили и на эту дачу. Конечно, мы там ничего не сажали, не выращивали. Ну а потом, когда поженились, решили оставить ее просто как летний домик. Я там несколько раз за сезон выкашиваю траву, чтобы вид не был совсем уж дикий и перед соседями не было стыдно. Мы летом иногда приезжали туда с друзьями, купались, жарили шашлыки.

– Это понятно, – сказал Гуров. – Так что случилось с этим вашим летним домиком?

– Этим летом, а если точнее, в конце августа, мы с друзьями, как обычно, приехали туда вечером в пятницу. Сначала ничего не заметили. Ворота, калитка, дверь в дом были закрыты и стекла целы. Но внутри все оказалось вверх дном. Все вещи из шкафа выброшены, из тумбочки тоже. В сарае, где мы инструменты храним, точно такая же картина. Даже диван «дорогие гости» вспороли.

Гуров, Крячко и майор Проценко переглянулись. Картина, которую описывал Иннокентий Прокофьев, была им хорошо знакома. Так почти всегда выглядели помещения, где

какой-то неумелый и торопливый человек проводил обыск.

– Стало быть, у вас что-то искали, – заключил Гуров. – А скажите, что-нибудь пропало?

– В том и странность, что почти ничего, – отвечал хозяин квартиры. – Так, кое-какая мелочь. Например, куртка моя, в которой я по грибы ходил, а еще нож. Хороший был, финский, мы им все время пользовались. Больше ничего.

– Было у вас на даче что-то ценное, что стоило бы взять? – спросил Проценко.

– Да, кое-что было. Телевизор там стоит довольно новый, ноутбук есть, посуда вполне приличная. Лена была очень равнодушна к хорошим вещам, хотела, чтобы у нас все было красивое, лучшего качества. Так вот, ничего этого грабители не взяли, даже не разбили. Ведь иногда в дачные домики забираются не они, а бомжи или мальчишки. Одни хотят переночевать, вещами разжиться, а другие – из озорства. Нам знакомые много таких историй рассказывали. Такие визитеры почти всегда при этом многое портят, разбивают, иногда могут и всю дачу сжечь. А тут ничего подобного.

– Вы спрашивали соседей, сторожей? – полюбопытствовал Крячко. – Может, кто-то видел кого-то подозрительного?

– Да, мы ближних соседей спросили, – сказал Иннокентий. – Но они вроде никого не видели. Только дядя Толя – он за два участка от нас живет, летом с дачи не уезжает, все время там находится – сказал, что видел какого-то незнакомого мужика, который проходил по нашей улице. Но у нас

часто такое случается. Люди туда-сюда бродят, предлагают ремонт разного вида, навоз продают, песок. Так что он на этого мужика особого внимания не обратил.

– А заявление в полицию вы, значит, подавать не стали? – спросил лейтенант Козлов, в голосе которого слышался явный упрек.

– Зачем же мы стали бы подавать заявление? Да у нас его и не приняли бы. Ведь ничего не пропало, ущерба нет. Зачем же искать того типа, который к нам залез?

– Может, у вас на даче все же было что-то ценное, что искал вор, – предположил Гуров, – но так и не нашел?

Однако Иннокентий решительно помотал головой и проговорил:

– Нет, такого у нас на даче не было. Ничего дороже посуды и телевизора.

– Вы сказали, что это было в конце августа, – напомнил Иннокентию Крячко. – Значит, совсем недавно?

– Ну да, получается, что две... нет, три недели назад, – отвечал хозяин квартиры.

– А дома у вас есть что-то ценное? – продолжал интересоваться Гуров. – Что здесь мог искать грабитель?

На этот раз перед ответом Иннокентия случилась заминка. Она была совсем маленькая, но Гуров ее все же заметил.

Потом Прокофьев сказал:

– Нет, дома тоже нет ничего особенно ценного. Я уже говорил, кое-что у нас пропало, вор кое-чем поживился. Но

эти вещи не представляют большой ценности. Я уже называл сумму. Все украденное стоит около двадцати тысяч рублей.

– Понятно, – медленно произнес Гуров. – Как я понял, детей у вас с Еленой не было?

– Нет, детей не было, – глухо произнес Иннокентий. – Мы думали об этом, хотели детей, но чуть позже.

– Скажите, а у вашей жены было много подруг, друзей?

Прокофьев пожал плечами и проговорил:

– Актеры – люди общительные. Считается, что все люди театра – друзья. Это, конечно, не так. Но у Лены были подруги, с которыми она встречалась чаще, чем с другими женщинами.

– Вы можете их назвать?

– Да, конечно. Лучшая подруга – это Наташа Колесова. Она музыкант, играет в филармонии, а также в оркестре театра. Затем Настя Плакина... хотя нет, она вышла замуж, теперь Веретенникова. Тоже довольно успешная актриса, но, конечно, не такая известная, как моя Лена.

– Я понял. Это все?

– Нет, есть еще Оля Мерцлина. Она работает в театре, но не актриса, а художник. На мой взгляд, очень талантливый.

– У вас есть телефоны этих девушек?

– Только Наташи. Ведь она была самым близким Лене человеком, часто бывала у нас в доме. Номеров Насти и Оли у меня нет.

– Я думаю, мы их найдем в аппарате, принадлежавшем

Елене Анатольевне, – подал голос лейтенант Козлов.

– Хорошо, – сказал Гуров и спросил: – А друзей-мужчин у вашей супруги, значит, не было?

– Наличие таковых выглядело бы, в общем, немного странно, – протянул Иннокентий. – Впрочем, у Лены были хорошие отношения с главным режиссером театра Саморуквым. Он у нас и дома бывал. Но называть его ее другом я бы не стал. Был еще режиссер Сергей Буров. Это молодой парень, очень веселый, компанейский человек. Да, вот его, пожалуй, можно назвать другом, причем всей нашей семьи. Он и для Лениных подруг тоже был близким человеком. Бывало, они все вместе приезжали к нам на дачу. Наташа с мужем, Настя, Оля и этот Сергей. Он такой хохмач, вечно у него имеются свежие анекдоты. Еще он на гитаре играет, неплохо поет.

– Телефон этого веселого Сергея, как и главного режиссера, я думаю, мы найдем в мобильнике вашей жены, – сказал Гуров, поднимаясь. – Спасибо за откровенную беседу. Теперь, с вашего позволения, я бы хотел посмотреть комнату, в которой была убита Елена. Можно это сделать?

– Да, конечно, смотрите, – буркнул Прокофьев. – Только без меня. Я туда не пойду.

– Ничего, я вам все покажу и объясню, – сказал майор Проценко.

Они вышли в коридор, из него попали в другую комнату, такого же размера, как и первая. Сразу было видно, что

это спальня. Посередине комнаты стояла большая кровать, по углам располагались шкафы, трюмо, изящный туалетный столик. Кровать, видимо, когда-то была застелена, покрыта покрывалом в японском стиле. Сейчас и одеяла, и покрывало были свалены в одну кучу у стены. В комнате было грязно и неудобно.

– Кажется, Прокофьев сюда совсем не заходит, – заметил Крячко.

– Что ж, я его понимаю, – сказал Гуров, обернулся к Проценко и спросил: – Где находилось тело Елены?

– Вот здесь, между кроватью и шкафом, – сказал майор и показал место.

Гуров оглядел его и осведомился:

– А обыск где преступник делал?

– Из этого шкафа все было выброшено, – произнес майор. – Из прикроватной тумбочки тоже. Еще он зачем-то отодвигал шкаф от стены.

– Это как раз понятно, – заметил Крячко. – Должно быть, убийца искал тайник.

– Да, я тоже так думаю, – сказал Гуров. – Вопрос в том, почему он его искал. Возможно, преступник знал, что где-то в доме хранятся деньги, о которых хозяйева никому не говорят. Но почему он тогда пытал жену, а не мужа? Логично было бы предположить, что деньги прячет Иннокентий Прокофьев, а не его жена.

– Возможно, ему было труднее добраться до Прокофье-

ва, – предположил майор. – Или он думал, что муж окажется крепче жены и ничего не скажет.

– А Елена, ты думаешь, выдала тайну? – спросил Крячко.

– Вполне возможно, – отвечал Проценко.

– Нет, это как раз невозможно, – заявил Гуров. – Ведь если бы женщина сдалась и выдала местонахождение тайника, то незачем было бы ее устранять. Нет, Елена ничего не сказала убийце. Ответь, майор, на такой деликатный вопрос: Елена была изнасилована?

– Следов сексуального насилия нет, – отвечал Проценко.

– А как, собственно, она была убита?

– У нее было перерезано горло. Но анатомы говорят, что жертву убили, когда она находилась в бессознательном состоянии. Видимо, Елена потеряла сознание от боли, и тогда убийца расправился с ней.

– Понятно, – пробормотал Гуров. – Что ж, я здесь увидел все, что хотел. Теперь можно идти к соседке.

– Как к соседке? – удивился майор. – Время почти десять часов, поздно уже. Вы же хотели свидетелей завтра допрашивать.

– Но их же двое было, этих свидетелей, – сказал на это Гуров. – Там еще студент есть. Вот его я завтра и допрошу. А женщина... как ее?

– Почечуева Светлана Геннадьевна, – сказал лейтенант Козлов.

– Эта Светлана Геннадьевна, как я понял, живет на этой

же лестничной площадке. Так с какого перепугу мы должны отсюда уходить? Сейчас и побеседуем с ней, доведем дело до конца.

Глава 4

Оперативники позвонили в дверь напротив, и ждать ответа им долго не пришлось. У них возникло такое впечатление, что хозяйка квартиры стояла прямо за створкой, ждала этого визита.

– Кто это? – спросила она.

– Полиция, – веско ответил начальник управления. – Это я, майор Проценко, мы с вами уже беседовали. Со мной мои коллеги из Москвы. Откройте, надо еще раз побеседовать.

В дверном глазке что-то мелькнуло. Хозяйка, конечно же, разглядывала поздних гостей. Впрочем, это продолжалось недолго. Светлана Геннадьевна Почечуева узнала майора, с которым уже имела дело. Дверь открылась, и оперативники вошли в квартиру.

Она разительно отличалась от квартиры Прокофьевых, хотя расположение комнат было точно таким же. Здесь не было никаких стильных вещей, картин на стенах, начисто отсутствовали книжные шкафы или хотя бы полки. Зато в каждой комнате стоял телевизор, и везде виднелись кружевные занавески. На полу, покрытом линолеумом, лежали цветастые половички.

Хозяйка провела поздних гостей в комнату, в которой было очень мало мебели, только кровать и два стула. Она принесла из соседней комнаты еще один стул и табурет, сама се-

ла на кровать, и беседа началась.

– Вы мне, Светлана Геннадьевна, многое при первой встрече уже рассказали, – сказал майор. – Но вот приехали товарищи из Москвы. Они будут участвовать в расследовании убийства Елены Прокофьевой, и у них к вам есть несколько вопросов.

– Раз у товарищей есть вопросы, то я отвечу на них, – заявила хозяйка квартиры.

В дело вступил Гуров.

– В материалах дела записано, что студент Маркелов, посланный из театра за Еленой Прокофьевой, не мог открыть дверь подъезда, и его впустили туда вы. Это так? – спросил Лев Иванович.

– Точно так оно и было, – сказала Почечуева. – Да как бы он в подъезд попал, если у него ключа нет? Я ему тоже сперва не хотела открывать. Думаю, что за человек посторонний, чего ему надо? Но тут он сказал, что идет к Елене, вот я его и впустила.

– Вы поднялись к двери лифта вместе, – продолжал Гуров. – Однако в кабину Маркелов вошел один и поднялся на пятый этаж. Скажите, почему вас не было рядом с ним?

– А я шаги слышала, – ответила женщина. – Поняла, что кто-то сверху спускается. Ну, думаю, это наш Валерий Федорович, старший по подъезду, он на третьем этаже живет. Дай-ка я спрошу у него, какой в октябре будет график работы подвалов, которые, мил человек, устроены у нас во дворе.

Мы картошку там храним. Валерий Федорович их в определенное время открывает, а вечером закрывает. Вот я и хотела узнать...

– Это я понял, – прервал Гуров словесный поток и поинтересовался: – Так вы встретили Валерия Федоровича?

– Нет, не встретила, – отвечала хозяйка квартиры. – Поднялась на площадку выше, откуда уже второй этаж виден. Сейчас, думаю, он тут появится, и мы поговорим. А он вдруг перестал спускаться. Я позвала: «Валерий Федорович, ты что встал? Это я, Светлана, вопрос у меня насчет погребов».

– Что он вам ответил?

– Да ничего не ответил. Мне даже удивительно стало. Не бывало такого, чтобы Валерий Федорович мне не отозвался. Я тогда подумала, может, это не он. Вдруг кто-то с верхних этажей спускается? Хотя у нас редко кто пешком ходит, все на лифте ездят. Народ в подъезде в основном пенсионный проживает, ноги мять не любит.

– То есть вы теперь не уверены в том, что там, на лестнице, был ваш старший по подъезду?

– Да, получается, что это вроде не он был. Я ведь даже еще выше поднялась, чтобы его увидеть, но так и не заметила.

– Вы поднялись выше? Намного?

– Нет, еще ступеньки три или четыре ко второму этажу прошла.

– Вы надеялись с этого места увидеть того человека, который спускался?

– Ну да, я так и думала. Сейчас, мол, я его увижу. Может, он устал, вот и остановился. Ему ведь уже восьмой десяток, Валерию Федоровичу.

– Почему же вы не увидели человека на лестнице?

– Сама не пойму, – сказала женщина и развела руками. – Ведь я слышала, как он вниз шел. Должен был на лестнице между третьим и вторым этажом стоять. А когда поднялась, его там не было.

– Может быть, этот человек вошел в квартиру, расположенную на втором этаже?

– Да как же такое могло быть? Я бы услышала, как замок открывают, входят. Да и не живут у нас на втором этаже люди, которые пешком ходили бы наверх.

– Значит, этот человек услышал ваш оклик и поднялся выше, чтобы вы его не увидели. Верно?

– Получается так, – ответила Светлана Геннадьевна. – Хотя не понимаю, чего от меня прятаться.

– А когда вы поднялись к себе на пятый этаж, сразу заметили, что дверь в квартиру Прокофьевых открыта?

– Конечно, заметила! Ведь этот парень на кнопку давил, трезвон не умолкал. Тут кто хочешь обернется и заметит. Так ведь я еще раньше это увидела.

– Что именно вы увидели?

– Что у Прокофьевых дверь приоткрыта. Еще когда в магазин пошла, это заметила.

– Можете сказать точно, сколько было времени, когда вы

пошли в магазин?

Хозяйка квартиры чуть подумала и произнесла:

– Значит, я позавтракала, посуду помыла, в квартире убралась. Тут еще подруга моя, Галя, позвонила, мы с ней поговорили. Потом думаю: «Надо масла подсолнечного купить, да и сахар у меня кончается. Придется в магазин сходить». Потом я собралась. Стало быть, это уже около десяти было.

– Может быть, в половине десятого?

– Нет, попозже. Половина десятого было, когда мы с Галей разговор закончили. Я тогда как раз на часы посмотрела. А вышла без десяти десять.

– А вернулись вы когда?

– Это уже двенадцатый час пошел. Да, минут десять двенадцатого было. А что же вы меня про самое главное не спросите? Неужели вам не интересно, что я в квартире увидела, когда вошла? Это же такой ужас был!

– Про этот ужас я вас как-нибудь в другой раз спрошу, – сказал Гуров. – Вы ведь все подробно уже изложили моему товарищу майору Проценко. Вы ведь к тому рассказу ничего не можете добавить?

– Да что же тут добавлять? Я тогда все очень подробно описала и сейчас могу повторить как на духу.

– Нет, повторять не надо, – сказал Гуров и поднялся. – Спасибо, Светлана Геннадьевна, за ваш рассказ. Он нам очень поможет.

– Да не за что, – несколько обиженно сказала хозяйка. – Что уж там может вам пригодиться, не знаю. Я вроде ничего и не рассказала.

– Рассказали, – заверил ее Гуров. – До свидания. Мы пошли.

Оперативники вышли на площадку и пешком спустились по лестнице.

Когда они вновь оказались на улице, Гуров спросил майора:

– Вы жильцов подъезда опрашивали?

– А как же! – отвечал Проценко. – Во всех квартирах побывали, в каждой жильцов спрашивали.

– О чем?

– Как это о чем? Кого видели, не было ли в подъезде незнакомых людей, не доносились ли какие-то звуки из двадцатой квартиры, когда в последний раз видели Елену Прокофьеву и ее мужа? В общем, задали все вопросы, какие в таком случае нужны.

– А о том человеке, который около одиннадцати часов спускался по лестнице, спрашивали? – осведомился сыщик.

Сотрудники заозерского уголовного розыска переглянулись.

– Нет, – неуверенно ответил лейтенант Козлов. – Так ведь никто вроде и не спускался.

– Тут вы ошибаетесь, – заявил Гуров. – Вы ведь слышали рассказ гражданки Почечуевой. Кто-то спускался по лестни-

це, но услышал голоса на площадке первого этажа и остановился. Когда Светлана Почечуева захотела его увидеть и поднялась на один лестничный пролет, этот человек тоже пошел вверх, чтобы избежать встречи с ней. Спрашивается, почему он этого не хотел?

– Прежде всего он не желал, чтобы его видели, – ответил на этот вопрос Стас Крячко. – Поэтому и на лифте не стал спускаться. Стало быть, ты думаешь, что этот человек...

– Да, у нас есть все основания полагать, что Почечуева и Маркелов едва не столкнулись с убийцей Елены Прокофьевой, – заключил Гуров. – Этот человек проник в квартиру Прокофьевых еще утром, раньше десяти часов. В течение часа или полутора он допрашивал и пытал хозяйку квартиры, а также искал там нечто такое, что его интересовало. Около одиннадцати этот тип вышел, спустился по лестнице, избежал встречи с двумя свидетелями и скрылся. Вот его-то нам и надо искать. Нужно еще раз опросить жильцов этого подъезда – всех без исключения! – узнать, кого они видели в это время. Да, кстати, я не видел в материалах дела ответа на один вопрос. На замке в квартире Прокофьевых имеются следы взлома или нет?

– На этот вопрос я как раз ответить могу, – сказал Проценко. – Да, наши специалисты обнаружили на замке характерные царапины. Человек, проникший в квартиру, воспользовался отмычкой.

– А отпечатков пальцев в квартире он, я думаю, не оста-

вил?

Майор покачал головой:

– Именно так. Нигде нет никаких отпечатков или следов. На теле и одежде жертвы не обнаружены частицы чужого биологического материала.

– Зато на убийце наверняка остались следы, – заметил Крячко.

– Какие? – поинтересовался лейтенант.

– Кровь, – ответил Крячко. – Если он перерезал своей жертве горло, то на его одежде неминуемо должны остаться капли ее крови. Возможно, убийца позже избавился от этих тряпок. Но он мог и пожадничать или не подумать об этом. В этом случае мы сможем доказать его вину по этим следам.

– Для этого надо проделать одну небольшую операцию, всего лишь установить и поймать убийцу, – заметил Гуров. – Итак, на сегодня, наверное, все. – Тут он взглянул на Проценко и Козлова. – Хотя ваша группа может проделать еще какую-то часть нашей общей работы. Видите, в некоторых квартирах окна светятся? Значит, хозяева еще не легли спать. Можно отправиться к ним и поговорить. Завтра необходимо будет продолжить это занятие.

– Мне кажется, нужно будет расширить круг поиска, – сказал Крячко. – Почему ты решил, что нужно опросить только людей из этого подъезда? Убийцу могли видеть на улице и люди из второго и третьего подъездов.

– Ты прав, – согласился Гуров. – Опросите всех. Мож-

но еще найти почтальона. Они ведь обычно разносят почту утром. Стоит поискать тех людей, которые расклеивают разные объявления возле подъездов. Нам нужен хоть один человек, который, может быть, мельком видел убийцу. Нам требуется какая-то зацепка. Да, чуть не забыл. Ведь у нас уже есть такой человек!

– Откуда? Кто? – с удивлением спросил Козлов.

– Вы разве не слышали, что рассказывал Иннокентий? Он говорил, что один из дачных соседей запомнил незнакомого мужика, который бродил по их улице. Это было незадолго до того дня, когда на дачу Прокофьевых залез вор. Кажется, Прокофьев назвал этого соседа Толей. Вот с этим Толей обязательно нужно побеседовать.

– Будет сделано, товарищ полковник, – ответил Козлов.

– Давай, лейтенант, не откладывай, начинай прямо сейчас. Вон кто-то выходит из подъезда. Дверь тебе, можно сказать, специально открыл. – Гуров повернулся к Проценко: – А ты, майор, назови нам адрес той гостиницы, куда ты хотел нас заселить, и мы отправимся отдыхать.

– Я вам не только адрес назову. Я вас туда сам отвезу, – сказал майор.

Офицеры сели в машину и отправились в гостиницу.

По дороге майор спросил:

– Так вам на завтра вызвать для допроса студента Маркелова?

– Нет, со студентом мы поговорим чуть позже, – ответил

Гуров. – С утра я хочу нанести визит в театр, где работала Елена. Поговорю с главным режиссером Саморуковым. Он ведь, кажется, тоже числился у вас в подозреваемых?

– Да, было дело, – подтвердил Проценко. – Когда мы узнали, что главный режиссер выделял Елену из всех актрис, что они часто общались.

– Понятное дело, – откликнулся Гуров. – Ну вот, надо пообщаться с главным, потом с веселым режиссером Сергеем Буровым, с Настей Веретенниковой, близкой подругой Елены, с другими актерами. Да ведь этот свидетель, Маркелов, тоже в театре практику проходит. Значит, там я с ним и побеседую. Так что ты, майор, не отвлекайся от своего дела. Я вам с лейтенантом наметил фронт работ, вот на нем и воюйте. Что, мы уже приехали?

– Да, вот ваша гостиница «Утес», – отвечал Проценко. – Она у нас лучшая в городе. Находится в самом центре. Отсюда и до театра недалеко, и до управления.

– Хорошо, посмотрим, что за «Утес» такой, – проворчал Крячко, вылезая из машины. – Есть ли тут хотя бы чайник в номере, какие вообще порядки.

Проценко уже собрался уезжать, когда Гуров окликнул его.

Майор опустил стекло, и сыщик напомнил ему:

– Не забудь, завтра же найди и допроси этого дачного соседа. Возможно, с его помощью удастся составить фоторобот убийцы. Все, желаю успеха!

Глава 5

Двухместный номер, забронированный для них управлением, сыщикам в общем понравился. Кровати были аккуратно застелены, душ исправно работал, давал горячую воду, а в шкафчике имелся чайник. Пока Гуров принимал душ, Крячко заварил чай и соорудил стопку бутербродов из продуктов, которые сыщики захватили с собой из Москвы. Затем он сам помылся, и друзья сели ужинать.

– Ну и какое впечатление у тебя сложилось об этом деле? – спросил Крячко, когда покончил с первым бутербродом. – Оно и вправду такое сложное, как тебе Орлов говорил?

– Да, мне кажется, что дело это непростое, – ответил Гуров. – Помучиться нам с ним придется основательно. Главное, что меня смущает, – отсутствие мотива. Во всяком случае, явного, понятного.

– А мне кажется, что мотив тут как раз вполне понятен. Это деньги, – заявил Крячко. – Ты заметил, как этот Иннокентий замялся, когда ты спросил, нет ли в доме еще чего-то ценного? Скорее всего, у них что-то такое имеется, только он говорить об этом не хочет.

– Возможно, он не хочет говорить по двум причинам, – сказал Гуров. – Во-первых, это «что-то» имеется не у них, а только у него.

– Ты хочешь сказать, что у него был источник доходов,

о котором жена не знала?

– Именно так. Во-вторых, этот источник не вполне законный или даже совсем незаконный. Надо нам побольше узнать об этом Иннокентии. Наши местные коллеги на него сразу навалились, думали повесить на мужа убийство жены. Когда с этим ничего не вышло, они перестали им интересоваться. А напрасно. Иннокентий, как мне кажется, человек непростой. Возможно, тайна гибели Елены как-то связана с его второй жизнью.

– Ты, наверное, хочешь, чтобы этой второй жизнью господина Прокофьева занялся я? – спросил Крячко.

– Ты ужасно догадлив. Я хочу, чтобы ты собрал как можно больше сведений об этом бизнес-тренере. Может, и всплывет что-то интересное.

– Ладно, мотив – это главная причина твоего смущения, – сказал Крячко. – А еще что заставляет тебя не спать по ночам?

– Меня ничто не заставляет плохо спать, – заявил Лев Иванович. – Ты же знаешь, что, какие бы загадки жизнь ни подбрасывала, какая бы опасность мне ни угрожала, я сплю всегда крепко. А вот задуматься меня кое-что заставляет. Кроме отсутствия явного мотива, меня смущает странный набор качеств этого неизвестного убийцы. Вот смотри: он умело и быстро вскрывает замок квартиры Прокофьевых, вполне квалифицированно, как я заметил, проводит обыск в квартире, жестоко пытается Елену Прокофьеву, стремясь до-

биться от нее сведений, необходимых ему. Не получив их, этот субъект убивает свою жертву, потом скрывается, избежав встречи с двумя свидетелями. Все это указывает на очень опытного и свирепого грабителя, явного рецидивиста. Но я уже спрашивал майора Проценко. Он сообщил мне, что они проверили всех убийц, проживающих после отсидки в Заозерской области. Ни один из них вроде бы не причастен к гибели Елены.

– Этот факт надо бы еще проверить, – заявил было Крячко, но Гуров предупреждающе поднял руку и продолжил:

– погоди! Я еще не все сказал. Я о другом речь веду. Перед нами вроде бы опытный уголовник. Но этот субъект устроил настоящий погром на даче Прокофьевых. Он зачем-то взял с собой какую-то поношенную куртку, а из квартиры унес не слишком ценные предметы, всего на двадцать тысяч рублей. Это почерк вовсе не бывалого налетчика, бандита со стажем, а новичка, начинающего грабителя. Это человек жадный, падкий на добычу, поэтому берет все, что под руку попадется. Так кто же он, этот мистер Икс?

– А может, их было двое? – высказал предположение Крячко.

– Интересная мысль, – произнес Гуров. – Вот и я так подумал. Интуиция мне подсказывает, что перед нами все же один человек, просто попавший в необычные обстоятельства. Но она тоже иногда ошибается, хотя и редко.

– Так какой же вывод ты делаешь из этих сомнений и умо-

заключений? – спросил Крячко.

– Никакого особого вывода я не делаю, – отвечал Гуров. – Наш план остается прежним. Наши заозерские коллеги пусть ищут свидетелей на месте убийства. Ты займешься мужем убитой актрисы, постарайся проникнуть в его тайну, если такая имеется. А я познакомлюсь с коллегами Елены, людьми театра.

– Да, себе ты выбрал самое увлекательное дело, – заметил Крячко.

На следующее утро Гуров подошел к театру, вспомнил эти слова своего друга и невольно усмехнулся. Сам он никогда не делил занятия в ходе расследования на увлекательные и скучные. Для него представляло интерес и было увлекательным все, что продвигало расследование вперед.

Строгая дама, сидевшая у входа, поинтересовалась у сыщика, кто он такой и с какой целью в столь ранний час явился в театр. Гуров показал ей свое удостоверение и объяснил, что должен побеседовать с главным режиссером театра Аркадием Саморуковым, а также с коллегами погибшей актрисы.

Дама сразу стала сама любезность, мило улыбнулась и сказала:

– К сожалению, с Аркадием Львовичем вам сейчас поговорить не удастся. Он еще не прибыл в театр.

– Но кто-то, наверное, есть на месте? – спросил сыщик.

– Да, некоторые уже пришли, – отвечала дама. – На-

пример, двое молодых актеров, Щепкин и Ласточкин. Еще режиссер Сергей Леонидович Буров и студент-практикант. Я все время забываю, как его фамилия.

– Случайно не Маркелов? – спросил сыщик.

– Правильно, Никита Маркелов, – обрадованно отозвалась дама.

– И где они все?

– Актеры у себя в уборных. Может, в курилке, пользуются случаем, чтобы подымить, анекдоты потравить. Когда придет Аркадий Львович, им уже не до курения будет. Он человек строгий.

– А Буров где?

– Сергей Леонидович, скорее всего, находится в своем рабочем кабинете, – отвечала дама. – Это на третьем этаже, с правой стороны. Давайте я ему позвоню, чтобы он спустился и встретил вас. Сами вы вряд ли найдете дорогу. Наш театр довольно сложно устроен.

– Ничего, я как-нибудь разберусь, – сказал Гуров и направился к лестнице.

Кабинет режиссера Лев Иванович нашел без труда, постучался и вошел. Сергей Буров был занят тем, что расхаживал по небольшому помещению и строил рожи. Человек, ничего не знающий о профессии Букова, пожалуй, подумал бы, что имеет дело с душевнобольным, однако Гуров догадался, что режиссер сам с собой разыгрывает какую-то роль, которую позже будет прорабатывать с актером.

Увидев незнакомого посетителя, режиссер прекратил свои упражнения с лицом и выжидательно посмотрел на сыщика. Гуров представился и сказал, что хотел бы побеседовать о Елене Прокофьевой. Все оживление сразу исчезло с лица Бурова.

Он в одну минуту постарел лет на десять, тяжело вздохнул и сказал:

– Да, конечно, я готов ответить на все ваши вопросы. Садитесь сюда, здесь вам будет удобно. Что конкретно вас интересует?

– В первую очередь меня интересуют люди, окружавшие убитую актрису, – ответил сыщик. – Я имею в виду актеров, режиссеров, художников, музыкантов – в общем, всех людей, работающих в театре. Как вы думаете, мог кто-то из них убить Елену Прокофьеву?

Режиссер решительно покачал головой и проговорил:

– Нет, я не могу назвать такого человека. Я сам уже третий день ломаю себе голову над всем этим и ничего не могу понять. В театре нельзя найти ни одного человека, который мог бы пойти на такое преступление. Лену все очень любила. Искать среди нас убийцу – это сущий бред!

– Неужели все так обожали молодую актрису, которая внезапно сделала успешную карьеру и добилась известности? – с сомнением в голосе проговорил Гуров. – Так уж сложилась моя жизнь, что я очень даже неплохо знаю актерскую среду. Увы, многим театральным деятелям свойственно такое чув-

ство, как зависть. Да и вообще, люди театра привыкли играть роли даже по жизни, скрывать свои истинные чувства. Может быть, у Елены все же имелся недоброжелатель, человек, который ее ненавидел?

Буров вновь решительно покачал головой и произнес:

– Нет у нас такого человека! Среди мужчин точно. Разве что среди актрис. Тут зависть действительно развита. Да, я мог бы назвать несколько женщин, которые завидовали успеху Елены. Но чтобы убить?! Нет, в это я решительно не могу поверить!

– Тут я с вами согласен, – сказал Гуров. – Судя по характеру совершенного преступления, убийцей был мужчина. Тогда у меня другой вопрос. Вы не видели в последний месяц в театре незнакомого, постороннего человека, который мог бы следить за Прокофьевой?

– Незнакомые люди, – задумчиво произнес режиссер. – Знаете, в театре все время появляются новые персонажи. Это журналисты, студенты, проходящие практику, начинающие драматурги, которые жаждут показать свои рукописи, художники. Да кого у нас только нет! Можно сказать, что театр – это проходной двор. Я почти каждый день встречаю в наших коридорах людей, которых вижу в первый раз.

– Хорошо, тогда я поставлю вопрос иначе, – сказал сыщик. – Вы встречали человека, который показался бы вам подозрительным?

Режиссер вновь задумался ненадолго, потом произнес:

– Нет, ничего такого не было. Но вы ведь ищете человека, который следил бы за Леной, правда? А такому субъекту нечего делать здесь, на третьем этаже. Он должен ошиваться возле сцены во время репетиций или у артистических уборных, а они расположены на первом этаже.

– Значит, мне нужно поговорить с людьми, которые бывают в этих местах, – заявил Гуров. – Прежде всего, наверно, с актерами.

– Да, с актерами, а также с помощниками режиссеров, костюмерами, рабочими сцены, – подхватил Буров. – Вам их вызвать сюда?

– Зачем же вызывать? Не надо никого беспокоить, – заявил Гуров. – Лучше разговаривать с человеком в его среде. Я был бы вам признателен, если бы вы проводили меня сперва, скажем, к актерам, а затем к другим работникам театра. Но прежде чем мы уйдем отсюда, я хотел бы задать вам еще несколько вопросов. Скажите, ведь вы общались с Еленой не только здесь, так сказать, на рабочем месте? Ведь вы были и дома у Прокофьевых?

– Да, я дружил не только с Леной, но и с ее мужем Иннокентием, – ответил Буров. – Бывал и дома, и на даче.

– Вы знали, что у Иннокентия имеется другой источник дохода, кроме его работы, о котором Елена не ведала?

Этот вопрос Гуров задал наугад. Он сам не знал, имеется ли у Иннокентия Прокофьева левый заработок. Но почему бы и не попробовать? Сыщик часто применял в своей работе

такой вот метод.

Прием сработал! Сыщик понял это по тому, как мгновенно изменилось лицо его собеседника. На нем промелькнули растерянность, испуг, а затем оно словно окаменело.

«Знает, но будет скрывать», – промелькнуло в голове у Гурова.

– Я не знаю, о каком другом источнике вы говорите, – сказал режиссер. – Иннокентий работает бизнес-тренером, ведет семинары, которые пользуются большим успехом. Он зарабатывает вполне достаточно.

– Напрасно вы скрываете правду, – сказал Гуров. – Я ее все равно узнаю, но это промедление задержит поиск убийцы. А ведь вы вроде бы сочувствуете погибшей актрисе, искренне хотите, чтобы преступник понес наказание.

– Конечно, хочу! – подтвердил Буров. – Но при чем здесь заработки Иннокентия?

– Да при том, что убийца искал в квартире Прокофьевых какие-то ценности, – объяснил Гуров. – Что именно? Деньги, заработанные законным путем, люди обычно держат в банках. В разного рода тайниках они прячут то, что нельзя открыто декларировать. Если я выясню, сколько получал муж Елены помимо официального заработка, то буду знать, что вызвало такой интерес убийцы, смогу догадаться, где этого преступника искать. Я понятно объясняю?

– Да, понятно. Но все это ерунда! – нервно отвечал режиссер. – Я вам уже сказал, у Иннокентия не было другого

заработка, помимо его лекций и семинаров по бизнесу. Вы, кажется, хотели побеседовать с актерами. Самое время этим заняться, а то через сорок минут у нас должна начаться репетиция.

«Нет, сейчас он отвечать не будет, – решил сыщик. – Может быть, мне потом удастся до него достучаться? Во всяком случае, левые заработки у Прокофьева есть, это очевидно».

– Что ж, пойдёмте к актерам, – сказал Лев Иванович. – Продолжу знакомство с вашим театром.

Глава 6

Они вышли из кабинета и спустились на первый этаж. Там уже шла какая-то жизнь, слышались голоса.

– Вот здесь находятся актерские уборные, – сказал Буров. – Я слышу, кое-кто уже пришел на работу. Вам будет с кем пообщаться.

– А уборная Елены Прокофьевой тоже здесь находится? – спросил Гуров.

– Да, конечно, – ответил режиссер. – Вы, наверное, хотите ее осмотреть?

– Да, хочу, – сказал сыщик. – Проведите меня сначала туда.

– Хорошо, пойдемте, – сказал Буров. – Надо сказать, вы не первый, кто проявляет интерес к этому помещению.

– Понимаю. Туда уже заглядывали местные оперативники, да? Например, майор Проценко.

– Нет, наши заозерские оперативники здесь не были, – отвечал режиссер. – Мы решили, что это кто-то из поклонников Лены.

Гуров резко остановился, пристально посмотрел на своего спутника и спросил:

– Вы хотите сказать, что кто-то устроил обыск в уборной погибшей актрисы?

– Почему обыск? Знаете, завзятые театралы бывают очень

любопытны.

– А вы сообщали об этом факте в полицию?

– Нет, мы не стали. – Буров пожал плечами. – Не придали этому такого значения.

Сыщик только головой покачал.

– Просто поразительная беспечность, – сказал он. – Сейчас, когда важна любая информация, вы молчите о таком событии! Давайте скорее туда.

Они прошли мимо нескольких закрытых дверей и одной открытой, потом остановились перед нужной. Буров достал ключ, отпер ее. Режиссер и сыщик вошли в уборную погибшей актрисы.

Главное место в этом помещении занимали большое зеркало со столиком и удобное кресло. Кроме того, в уборной стояли диван и два больших шкафа.

Когда-то это помещение, наверное, выглядело уютным и удобным. Но сейчас в нем царил беспорядок. Предметы, находившиеся на столике, были свалены в кучу, некоторые тюбики и баночки валялись на полу. Там же лежали и вещи, выброшенные из шкафов. Это были платья, пальто, плащи, шляпы разных фасонов и размеров, еще какие-то предметы дамского гардероба.

Гуров, глядя на этот бардак, только головой покачал.

– Вы говорите, что это мог сделать какой-то поклонник Прокофьевой? – сказал он. – Странное у вас представление об этих людях. Скажите, а кто первый обнаружил, что в ее

уборной кто-то побывал?

– Кто обнаружил? – Буров задумался. – Кажется... да, это была подружка Лены, Оля Мерцлина. Она не актриса.

– Я знаю, она театральный художник, – сказал сыщик. – А когда это случилось?

– Когда? – Режиссер задумался. – Вчера, может быть. Нет, скорее позавчера. Да, точно, это случилось позавчера.

– Но это было уже после смерти Прокофьевой?

– Да, мы узнали эту ужасную новость еще три дня назад. А на следующий день стало известно и об этом.

– Где я могу видеть Олю Мерцлину?

– Затрудняюсь сказать, – отвечал режиссер. – Она приходит в театр не так часто. Обычно чтобы получить заказ на новую постановку или с уже готовыми эскизами декораций. А так она дома работает. Я могу дать вам ее телефон.

– Да, диктуйте номер, – сказал сыщик.

Режиссер продиктовал номер сотового телефона. Гуров записал его, но звонить не стал.

Вместо этого он спросил Бурова:

– Но ведь вы сами уже бывали здесь после смерти Елены, не так ли? Видели этот погром?

– Да, Оля сразу меня позвала, – подтвердил режиссер. – Я пришел, поглядел.

– Все было так же, как и сейчас? Или здесь кто-то успел побывать после вас?

– Нет, кажется, никто, – отвечал Буров. – Когда новость об

этом обыске, как вы его называете, разнеслась по театру, сюда сбежалось несколько человек. Они заглядывали в дверь, обсуждали это происшествие. Но после этого я дверь запер. Ключи от всех уборных имеются только у меня и у самих актеров.

– Понятно. Тогда будьте так любезны, выдайте мне ключ от этого помещения.

Режиссер, ни о чем не спрашивая, снял со связки ключ от уборной погибшей актрисы и отдал его сыщику.

Они оба вышли из уборной, Гуров запер дверь, достал телефон и позвонил майору Проценко.

– Приветствую, майор, – сказал он, когда оперативник откликнулся. – Я сейчас нахожусь в театре. Скажи, ты знаешь, что позавчера кто-то проник в театральную уборную Прокофьевой и устроил там обыск?

– Обыск?! – удивился майор. – Нет, я не в курсе. Мне ничего не сообщали.

– Ну так вот я тебе об этом сообщаю, – сказал Гуров. – Срочно пришли сюда бригаду криминалистов, пусть все проверят, снимут отпечатки, если таковые тут есть. Я некоторое время еще буду здесь. Ключ от уборной у меня. Давай, действуй! – Лев Иванович выключил телефон и сказал режиссеру: – Спасибо за помощь. Я вас больше задерживать не буду, с актерами познакомлюсь сам.

Сыщик дождался, когда режиссер уйдет, повернулся и направился к уборной, в которой раздавались голоса несколь-

ких человек. Здесь он обнаружил двух молодых актеров. Как выяснилось в ходе дальнейшей беседы, одного звали Николай Климух, а другого – Никита Ганчук.

Впрочем, кроме фамилий, больше ничего похожего в этих двух молодых людях не было. Николай был красив, улыбчив и вполне годился на роли женихов и вообще привлекательных молодых людей. Никите с его суровой внешностью больше подошли бы роли злодеев или, наоборот, сыщиков.

Узнав о том, кто такой Гуров и зачем он явился в театр, оба стали серьезны. Было заметно, что они любили свою погибшую коллегу и были потрясены ее смертью.

Тогда Гуров спросил, знают ли они, кто проник в уборную погибшей актрисы. Молодые люди одновременно пожалали плечами. Нет, этого они не знали.

После этого Лев Иванович задал следующий вопрос: не видели ли они в последние две недели в театре незнакомого человека, который без видимой цели шатался бы возле уборной Елены Прокофьевой?

Улыбчивый Николай ответил, что такого подозрительного типа он вроде бы не встречал.

А Никита чуть подумал и сказал так:

– А знаете, ведь и правда был тут такой человек. Дней десять или двенадцать тому назад я его встретил в нашем коридоре. В театр часто забредают посторонние личности, друзья артистов, начинающие драматурги, просто поклонники. Но этот субъект не походил ни на того, ни на другого, ни на

третьего.

– На кого же он в таком случае походил? – спросил Гуров.

– Да на алкаша он походил, если честно, – отвечал суровый Никита. – Такой типичный работяга, только одет очень плохо, в каких-то обноскох. Я его, естественно, спросил, что он тут делает. Он сказал, что пришел наняться рабочим сцены. Я сказал, что тогда нужно идти к директору, на второй этаж, а тут ему делать нечего. Вот он и ушел. Правда, перед этим посмотрел на меня как-то странно.

– А что было в этом взгляде такого странного? – поинтересовался Гуров.

Тут коллега Никиты, красивый Николай, философски заявил:

– Каждый человек по-своему странен.

Никита при этих словах скривился, а на вопрос Гурова ответил так:

– Он смотрел как человек, который решает, жить мне еще или уже хватит. Словно это от него зависело.

– Очень интересное определение, – сказал Гуров. – Вы смогли бы описать этого «рабочего сцены»?

– Наверное, мог бы, – сказал Никита. – У меня память хорошая. Он был на вид лет сорока или даже пятидесяти, среднего роста, почти лысый. Глаза черные, чуть прищуренные.

– Во что был одет этот человек? Пиджак, рубашка?

– Нет, никакого пиджака на нем не было, – заявил молодой актер. – Вообще мне трудно сказать, во что он был одет.

Какое-то рванье. Куртка какая-то старая, брюки рваные. На ногах старые кроссовки цвета грязи.

– У вас, я вижу, действительно хорошая память, – сказал Гуров. – Сейчас сюда приедет группа криминалистов. Они будут осматривать уборную Елены Прокофьевой. Потом, когда закончат эту работу, вам надо будет проехать с ними в управление, чтобы мы могли по вашему описанию составить фоторобот этого неизвестного типа.

– Вы что же, думаете, что этот человек?.. – медленно произнес Никита. – Что это нужно для расследования убийства Лены?

– Пока не знаю, – ответил сыщик. – Но его фоторобот нам пригодится. Я обязательно спрошу у вашего директора, обращался ли к нему человек с внешностью, описанной вами. Мне почему-то кажется, что нет. Хотя... – Лев Иванович не договорил.

В коридоре послышались шаги сразу нескольких человек. Вскоре в дверях артистической уборной появился майор Проценко в сопровождении трех криминалистов.

– Еще раз приветствую, товарищ полковник, – сказал он. – Где то помещение, которое требует осмотра?

– Третья дверь дальше по коридору, – отвечал Гуров. – Вот вам ключ. Когда поедете назад в управление, захватите с собой вот этого молодого человека. – Он показал на актера. – Его зовут Никита Ганчук. Он поможет вам составить фоторобот.

– Чей робот?

– Человека, который без видимых причин слонялся возле уборной Елены Прокофьевой. Возможно, это был просто алкаш, ищущий работу. Или же убийца.

– Вот как? – Майор заинтересовался этим сообщением. – Да, но вчера мы хотели составить фоторобот с помощью соседа Прокофьевых по даче.

– Вот и прекрасно, – сказал Гуров. – Значит, у нас будут два фоторобота. Чем это плохо? Мы их сравним, сделаем определенные выводы. Так что давай, майор. Когда будешь возвращаться в управление, не забудь захватить с собой этого молодого человека. Память у него отличная, так что фоторобот должен получиться весьма достоверным.

Пока они разговаривали, в комнату вошел совсем молодой парень. Он увидел людей в форме и замялся у дверей.

Гуров пригляделся к нему и спросил:

– Слушай, а ты, случайно, не Никита Маркелов?

– Да, это я, – ответил парень. – А вы кто? Как вы меня узнали?

– Я полковник Гуров из Москвы, – ответил сыщик. – А узнал я тебя по описанию, которое вчера дала одна женщина, соседка убитой Елены Прокофьевой. Нам с тобой нужно побеседовать как раз по этому поводу. Где мы могли бы пообщаться наедине?

– Давайте пройдем в нашу голубую гостиную, – предложил Льву Ивановичу Маркелов. – Там в это время обычно

никого нет. Нам никто не помешает.

Они вышли из уборной, прошагали по коридору и поднялись на второй этаж. Там Никита провел сыщика в просторное помещение, отделанное в голубых тонах. По его стенам висели портреты известных актеров, работавших в театре, а под ними стояли удобные диванчики. Здесь действительно никого не было, никто не мешал их беседе.

Они сели на два соседних дивана, и сыщик спросил:

– Значит, это ты три дня назад первым обнаружил тело убитой коллеги?

– Да, так получилось, что это был именно я, – отвечал студент, и лицо у него при этом сделалось несчастным. – Хотя не совсем правильно сказать, что я был первый. Передо мной шла эта женщина, соседка Елены Анатольевны. Я шагнул сразу вслед за ней. Так что мы вместе были.

– Сколько времени тогда было? Ты можешь сказать точно?

– Могу. Я все время на часы смотрел, потому что меня у подъезда такси ждало. За это надо было платить, сами понимаете. Да и вообще, приходилось спешить. Так что я знал, сколько времени. Когда мы вошли в квартиру, было одиннадцать часов двенадцать минут.

– Интересный факт насчет такси, – заметил Гуров. – Мне об этом никто не говорил. Ты где его поймал?

– Я его не ловил, – отвечал студент. – Я его по телефону заказал, еще здесь, в театре. Когда меня Алла Аркадьевна послала к Елене Анатольевне домой с заданием как можно

скорее привезти ее сюда, я решил, что мне обязательно нужен транспорт. Вот и заказал машину.

– В какой фирме?

– «Быстрый курьер».

– И что, водитель действительно быстро тебя довез?

– Минут за семь.

– А потом он куда делся? Или ты на такси в театр возвращался?

– Нет, мне уже не до такси было. В театр я в тот день вообще не вернулся. Потому что на квартиру к Елене Анатольевне приехала полиция. Нас с этой женщиной стали допрашивать, потом повезли меня к себе, в главное здание.

– В управление?

– Ну да. Там тоже допрашивали, сняли отпечатки пальцев. Так что из управления я сразу домой отправился.

– С таксистом-то смог расплатиться?

– Да, денег кое-как хватило.

– Свои платил?

– А чьи же еще? В театре на эти цели ни копейки не выделяют.

– Теперь скажи вот что. Пока ты ждал у подъезда, не знал, как войти, оттуда никто не выходил?

– Нет, никто. Да если бы кто-то вышел, то я сразу же сам вошел бы, не стал бы эту женщину дожидаться.

– Логично. Но когда вы со Светланой Почечуевой вошли в подъезд, сверху спустился какой-то человек.

– Нет, не так оно было, – сказал Маркелов и покачал головой. – Этот человек к нам не подошел. Просто Светлана Геннадьевна сказала, что спускается их старший по подъезду и она его подождет. Так что я на лифте один поехал.

– А ты разобрал, что кто-то спускается? Или это слышала одна Почечуева?

– Нет, я тоже слышал шаги, – сказал студент.

– Сможешь их описать?

– Кого?

– Не кого, а что. Шаги эти. Ведь по звуку часто можно определить, какой человек идет, молодой или пожилой, здоровый или не очень.

– Ага, теперь понял. Сейчас вспомню. – Никита даже глаза закрыл, стараясь восстановить в памяти тот момент, потом кивнул сам себе и проговорил: – Значит, так. Судя по звукам, спускался человек не старый, но и не ребенок. Он шел – как бы это сказать? – осторожно, что ли. Когда Светлана Геннадьевна его окликнула, сразу замер. Всякое движение прекратилось.

– Понятно. Теперь вопрос на другую тему. Вспомни, пожалуйста, за последний месяц ты не видел в театре, точнее, возле уборной Елены Прокофьевой, каких-то посторонних людей?

Никита Маркелов снова задумался, стараясь вспомнить события месячной давности.

Он молчал несколько минут, потом ответил не слишком

уверенно:

– Нет, не могу вспомнить ничего определенного. Конечно, я видел в театре много незнакомых людей, в том числе и возле уборной Елены Анатольевны. Но ведь я и сам там человек новый. Можно сказать, как раз и был неизвестным первое время. Так что в данном случае из меня плохой свидетель.

– Нет, Никита, тут ты ошибаешься, – убежденно заявил Гуров. – Свидетель из тебя очень хороший. Все, что нужно, ты запомнил и сочинять ничего не стал. А то некоторые, знаешь ли, любят пофантазировать, заполняют пустоты в памяти всякими вымыслами.

Глава 7

Отпустив важного свидетеля, Гуров достал телефон. Ему хотелось узнать, как продвигается следствие на других направлениях. Прежде всего Льва Ивановича интересовала информация, добытая Стасом Крячко. Он набрал его номер.

Крячко ответил сразу, как будто ждал звонка.

– Как ты вовремя! – сказал он. – Я сам как раз собирался с тобой связаться.

– Хотел связаться, значит, новости есть, не так ли? – спросил Гуров.

– Есть кое-какие. Значит, так. С доходами Иннокентия Прокофьева от его основной деятельности, кажется, все более или менее чисто. Есть там кое-какие неучтенные суммы, но нас с тобой эти несколько тысяч интересовать не должны. Это совсем не те деньги, из-за которых людей убивают. Однако я выяснил, что у нашего бизнес-тренера имеется одно увлечение...

– Не тяни, говори! – потребовал Гуров. – Что за увлечение? Поутру убивать собственную жену?

– Нет, все не так страшно, – заверил друга Крячко. – Даже, можно сказать, безобидно. Просто Иннокентий Прокофьев любит играть в карты.

– Преферанс?

– Преферанс или покер. В обеих играх он является насто-

ющим мастером. У него имеется постоянная компания, в состав которой входят такие же мастера, как он сам. Но в последний год Иннокентий предпочитает садиться за стол с новыми игроками...

– Чтобы их обыграть, – закончил Гуров фразу, начатую Стасом.

Он не спрашивал, а утверждал. Лев Иванович был вполне уверен в том, что угадал правильный ответ.

– Да, в этих играх Иннокентию Прокофьеву, как правило, сопутствует успех, – подтвердил Крячко догадку друга.

– О каких же суммах идет речь?

– Как мне удалось выяснить, надо сказать, с большим трудом, в последний год Иннокентий каждый раз после игры клал в карман от тридцати до шестидесяти тысяч рублей. Но были и такие вечера, когда выигрыш составлял сто тысяч и даже больше.

– Сколько же получается в итоге?

– Об этом можно сказать только предположительно, – ответил Крячко. – Есть ряд факторов, которые остаются для нас неизвестными. Это, например, число вечеров, в которые нашему герою сопутствовал выигрыш, возможные встречи за столом с другими мастерами, которые играют даже лучше Прокофьева, и всякие другие вещи. Но, в общем, по моим прикидкам выходит, что к настоящему времени сумма, полученная им, должна составлять около трех миллионов.

– Да, вот оно! – сказал Гуров. – Могу тебя поздравить.

Кажется, тебе удалось раскрыть это дело, причем уже на следующий день после приезда.

– Ты думаешь, это то самое? – спросил Крячко. – Причина, по которой убийца напал на Елену, пытал ее, а затем убил?

– Да ты ведь и сам все понимаешь, – ответил Гуров. – За такие деньги убивают, причем довольно часто. Конечно, остается ряд вопросов, на которые у нас пока нет ответов. Почему убийца напал не на самого карточного мастера, а на его жену? Нашел он деньги или нет? И, наконец, главный вопрос: кто он, этот убийца? Но я уверен, что мы сможем довольно быстро получить ответы на все эти вопросы. Потому что теперь мы знаем главное – мотив убийства. Нам известно, где искать.

– Что ты предлагаешь? – спросил Крячко. – Установить за Прокофьевым постоянное наружное наблюдение? Проверить весь круг его карточных контактов за последний год? Допросить людей, которые проиграли ему особо крупные суммы?

– Все, что ты говоришь, правильно, – сказал Гуров. – Скорее всего, многое из этого нам придется сделать, например, проверить всех людей, проигравших ему. Но все же в этой ситуации пошел бы по самому простому и очевидному пути, еще раз поговорил бы с Прокофьевым. Мне кажется, он не из тех людей, которые умеют долго что-то скрывать.

– Хочешь сказать, что он расколется?

– Я не сомневаюсь в этом. Так что давай пока прервем наш разговор. Я позвоню нашему герою и постараюсь договориться о встрече, а потом опять тебя наберу.

Крячко отключился, и Гуров набрал телефон Иннокентия. Тот ответил не сразу, и слышно его было плохо, мешали какие-то посторонние шумы.

– Где вы находитесь? – спросил Гуров. – Вас почему-то плохо слышно.

– Да, наверное, плохо, – различил сыщик ответ Прокофьева. – Я и сам вас едва слышу. Потому что нахожусь на улице, иду... сам не знаю куда.

– Нам необходимо встретиться, – заявил Гуров. – Будет лучше, если это произойдет у нас, в управлении.

– Зачем нам встречаться? – равнодушным голосом проговорил муж убитой актрисы. – Мы с вами уже виделись, все, что знал, я вам рассказал.

– Нет, Прокофьев, вы рассказали далеко не все, – твердо заявил Гуров. – Я это заподозрил еще вчера, а сегодня уже точно знаю, что вы скрыли от нас важную информацию. Я вообще не собираюсь вас уговаривать! Считайте мое приглашение официальным вызовом на допрос. Будете уклоняться, пошлю за вами наряд полиции. Он доставит вас ко мне принудительно.

– И что, опять в СИЗО посадите? – В голосе Прокофьева послышалась насмешка. – Может, так будет и лучше. Ладно, ладно, приду я в ваше управление. Сейчас соображу. Ага,

мне, в общем, недалеко. Минут через пятнадцать буду у вас.
– Значит, увидимся, – сказал Гуров.

Затем он позвонил Крячко и передал ему суть разговора с Прокофьевым.

– Кажется, наш фигурант находится в депрессии, – заявил сыщик. – Ты сейчас подъезжай к управлению, попроси у Проценко кабинет и выпиши пропуск на имя безутешного мужа. Скоро встретимся.

Сам он тоже пошел пешком. Лев Иванович знал, что от театра до управления недалеко.

Минут через двадцать он вместе с Крячко сидел за столом в одном из кабинетов управления. По другую сторону стола устроился Иннокентий Прокофьев.

Предположение Гурова подтвердилось. Бизнес-тренер выглядел как человек, ко всему равнодушный, находящийся в глубокой депрессии. Грязная и мятая рубашка на нем была застегнута криво. На пиджаке виднелись пятна. На оперативников Иннокентий не смотрел, уставился куда-то в угол.

– Ну и что вы хотели еще узнать? – спросил он. – Спрашивайте, если угодно. Надо же мне хоть с кем-то иногда разговаривать.

Вопрос к нему у Гурова был приготовлен заранее, над ним не надо было ломать голову.

Сыщик его задал:

– Скажите, Прокофьев, убийца вашей жены смог найти ваши карточные накопления?

Человек, сидевший по другую сторону стола, не ожидал такого вопроса. Он преобразился на глазах. Вся вялость, расслабленность куда-то исчезли. Прокофьев выпрямился и с удивлением уставился на сыщика.

– Накопления? – хрипло произнес он. – О чем именно вы говорите?

Теперь в разговор вступил Стас Крячко, хорошо владевший информацией о дополнительных доходах бизнес-тренера.

– О тех самых, которые вы получили за последний год за карточным столом, – сказал он. – О ваших постоянных удачах. О деньгах, которые вы выиграли месяц назад у Анатолия Веретенникова, а еще раньше у Руслана Ибрагимова, Романа Штейнера и у других людей. Скажите, Прокофьев, ведь убийца искал именно эти деньги, так?

Можно было предположить, что человек, сидящий по другую сторону стола, проявит интерес к фамилиям, которые назвал Крячко, станет защищаться, что-то признавать, что-то отрицать. Но вышло иначе. Выражение лица Иннокентия снова изменилось, причем довольно неожиданным образом. Сперва оно выразило боль, тяжелое страдание, затем на нем снова появилась апатии.

– Да, наверное, – нехотя произнес он. – Эти выигрыши... Наверное, он их искал. А Лена не знала! Если бы она могла ему дать эти деньги, то он бы так ее не мучил! Почему я ей не сказал?! Почему?! – Иннокентий закрыл лицо сжатыми

кулаками, раскачивался на стуле, не обращая внимания на оперативников, и все повторял: – Почему я не сказал?! Как глупо...

Гуров и Крячко переглянулись, и Лев Иванович спросил: – Так он их не нашел? Деньги остались целы?

– В том-то и дело! – воскликнул Прокофьев. – Все цело! Лучше бы он их нашел! Почему он их не отыскал, почему?! – Он тут же сам ответил на свой вопрос: – А знаете, почему он не нашел? Потому что я слишком хорошо спрятал! Я всю жизнь гордился своей хитростью, а теперь это качество вышло мне боком! Знаете, в чем моя главная подлость?

Он наконец-то отнял кулаки от лица и теперь в упор глядел на оперативников. Его лицо было искажено страданием.

– Главная подлость в том состоит, что когда я узнал... мне сказали о смерти Лены, то в первую очередь подумал об этих самых деньгах, этих двух с половиной миллионах! Не о ней, а о бумажках, понимаете? Не могу себе этого простить. – Иннокентий замолчал и опять закачался на стуле.

– Где же вы так хитро спрятали ваш выигрыш? – спросил Крячко. – Давайте я попробую угадать. Где-нибудь в ванной, в сантехнике?

Прокофьев покачал головой, потом, все так же закрывая руками лицо, глухо произнес:

– Нет, не угадали. Деньги я спрятал в прихожей, у самой двери. Я заметил, что там, возле порога, бетонная плита непрочная, она крошится. Когда Лена уехала на гастроли,

я продолбил там углубление, сделал нишу, сунул туда деньги, сверху положил доску, а на нее – паркет, как во всей прихожей. Если не знаешь, то ни за что не догадаешься, какую паркетину нужно поднять.

– Так они и сейчас там лежат? – спросил Гуров.

– Да, и сейчас лежат, – ответил Иннокентий. – Если хотите, можете поехать убедиться.

– Особой необходимости в этом нет, – сказал Гуров. – Вы заработали эти деньги не совсем законным путем, однако у нас нет причин их изымать. Нас интересует нечто другое. Кто мог знать о существовании клада? Кому вы говорили о том, что у вас в квартире лежат два с половиной миллиона рублей?

– Я думал и об этом! – воскликнул бизнес-тренер. – В этом тоже подлость!

– В чем именно? – спросил Крячко.

– В том, что знали два человека. Оба – мои друзья. Люди, которым я полностью доверяю. Первый – это Сергей Буров, режиссер театра. Второй – мой давешний друг Кирилл Горшенин. Понимаете? Только друзья знали! Неужели теперь я должен их подозревать? Которого из двух? Вот что ужасно! – Прокофьев снова уставился в угол.

– Мне кажется, вы не правы, – сказал Гуров. – Круг подозреваемых необходимо расширить. Допустим, достоверно о кладе и в самом деле знали только два человека, которых вы назвали. Но ведь были люди, которые могли догадываться

об этом. В числе этих людей были все, у кого вы выигрывали. Даже больше. Все, кто знал о ваших выигрышах. Я хочу вас успокоить. Вы не должны никого подозревать и выяснять вину. Это наша работа. Чтобы мы могли ею заниматься, вы сейчас назовете нам всех, кто садился с вами за карточный стол, мог знать, что у вас в квартире хранятся большие деньги.

– Хорошо, – медленно произнес Прокофьев. – Я назову всех, кого знаю. Но ведь были люди, которых я видел только один раз. Я не знал их имен тогда, не ведаю и сейчас.

– Ничего, мы и таких людей можем установить, – сказал Крячко. – Их не знали вы, но знали другие. Это хозяин квартиры, на которой проходила игра, кто-то из опытных игроков. Так что давайте составлять список. Мы немедленно начнем с ним работать. Я беру бумагу, ручку, готов писать. Диктуйте.

– Хорошо, – сказал Прокофьев, который теперь словно ожил, выглядел уже не таким апатичным. – Пишите: Веретенников Анатолий Петрович.

Глава 8

Составление списка карточных партнеров Прокофьева заняло больше часа. Всего в нем оказалось двадцать шесть фамилий, известных мужу убитой актрисы. Кроме того, он описал еще шестнадцать человек, имен которых не знал.

Наконец эта работа была закончена, и Прокофьев покинул кабинет.

Разглядывая список, полученный от него, Крячко спросил друга:

– Ну что, поручим эту работу майору с его командой или сами будем заниматься?

– Я думаю, и так и так, – ответил Гуров. – Разделим этот перечень пополам. Половину возьмем мы, точнее, ты, потому что я собираюсь заниматься и другими делами. Вторую отдадим майору. Кстати, надо узнать, как там обстоит дело с фотороботом нашего подозреваемого.

Лев Иванович набрал номер майора Проценко и, когда тот откликнулся, спросил его о составлении фоторобота.

– Портрет, заказанный вами, почти готов, – ответил начальник управления. – Можно подойти на третий этаж, в тридцать седьмую комнату, и посмотреть. Я как раз тут нахожусь.

– Хорошо, сейчас буду, – произнес Гуров и сказал другу: – Теперь я пошел смотреть портрет маслом. А ты иди по-

гружайся в карточный мир. Только действуй осторожно, не спугни нашего убийцу. Ведь он где-то тут, среди этих имен.

– Можно меня не учить, – сердито ответил Крячко и отправился выполнять задание.

Гуров поднялся на третий этаж. В комнате номер тридцать семь он нашел майора. Тот сидел рядом с молодым парнем. Оба они напряженно смотрели на экран компьютера. Там было изображено лицо мужчины лет сорока пяти.

– Он? – спросил Гуров.

– Он самый, – отвечал Проценко. – Вот, кладем последние штрихи.

– Что ты хочешь этим сказать? – не понял сыщик. – Какие штрихи?

– Ведь в нашем распоряжении было два фоторобота, – начал пояснять майор. – Один, составленный по описанию актера Ганчука, и второй, который мы сделали с помощью соседа Прокофьевых по даче. – Тут начальник управления показал на второй монитор, стоявший сбоку.

На нем Гуров увидел то же самое лицо. Только теперь оно выглядело немного иначе.

– Надо сказать, что у актера память оказалась гораздо более цепкой, чем у дачника, – продолжал Проценко. – Его фоторобот получился детальным, живым. Его мы и взяли за основу. Теперь добавляем отдельные черточки со второго портрета. Подождите немного, Алексей скоро закончит. Тебе долго еще осталось, Леша?

– Минут двадцать, – ответил парень, сидевший перед монитором.

Гуров сел рядом с ним и стал ждать. Он видел, как, повинаясь движениям мыши, находившейся в руке оператора, основной фоторобот постепенно насыщался деталями, буквально оживал.

Наконец парень, которого майор называл Алексеем, откинулся на спинку стула и сказал:

– Все готово. Больше сюда нечего добавить.

– Да и не надо ничего добавлять, – сказал Гуров. – Картинка и так хороша. Редко можно встретить такой детальный фоторобот. Ну что, майор, давай пускать этот материал в дело. Распечатывай его, раздавай своим оперативникам. Пусть они ищут этого человека.

– Где мы будем его искать? – спросил майор. – На вокзалах, в гостиницах, в магазинах?

– Да, будем искать и на вокзалах, и в магазинах, – ответил Гуров. – А вот в гостиницах, мне кажется, нам делать нечего. Этот человек там останавливаться не будет.

– Это почему? – спросил Проценко.

– Да потому, что для гостиницы нужны деньги. А у него их нет. Как и приличной одежды. Никита Ганчук, который видел этого субъекта в театре, говорил, что тот был одет в какое-то рваньё. Потому он и взял на даче Прокофьевых старую куртку Иннокентия, что у него вообще ничего такого не было. На небольшие деньги, найденные в квартире Проко-

фьевых, он польстился от бедности.

— Кто же он такой, если у него совсем денег нет? — вслух раздумывал майор. — Бомж? Бродяга? Алкаш?

— Да, он бродяга, возможно, бомж, но не алкаш, — отозвался сыщик.

Он продолжал внимательно вглядываться в лицо, красовавшееся на экране монитора, словно хотел выпытать у него какую-то тайну.

— Он... Знаешь что, майор? Посмотри данные вашего УФ-СИН о людях, освобожденных из мест лишения свободы за последние полгода. Особенно меня интересуют наши давние клиенты, уголовники со стажем, убийцы, грабители. Да ты и сам прекрасно знаешь, какие статьи надо смотреть.

— Так вы думаете, он оттуда? — задумчиво сказал майор и тоже с любопытством взглянул на лицо на экране. — А что, похож на сидельца. Очень даже!

— Вот и я думаю, что похож, — убежденно произнес Гуров. — Так что ты посмотри этот список. Дай этот портрет лейтенанту Козлову. Он ведь все еще ходит по квартирам, жильцов опрашивает. Вот пусть покажет им эту фотографию. Так, наверное, будет эффективнее. Да и мне дай пару экземпляров. Один из них для моего друга Крячко.

Спустя десять минут Гуров получил на руки свежие оттиски портрета неизвестного мужчины и набрал номер Крячко.

Когда друг откликнулся, сыщик спросил:

– Скажи-ка Стас, ты чем сейчас занимаешься?

– Сейчас? – переспросил Крячко. – В данную минуту я беседую с Анатолием Петровичем Веретенниковым. Наш разговор уже подошел к концу, и я собираюсь уходить. А что? Ты хочешь задать моему собеседнику пару своих вопросов?

– Это зависит от результатов вашей беседы, – заявил Гуров. – Если твой собеседник говорил, что видел кого-то подозрительного возле Прокофьева или слышал о таком человеке, то мне стоит с ним поговорить. Потому что у нашего друга Проценко готов фоторобот того самого фрукта, который проявлял интерес к Елене Прокофьевой. Я хотел бы показать этот портрет твоему собеседнику, а еще отдать его тебе. У тебя должен быть свой экземпляр.

– Да, это мысль! – одобрил Крячко соображение друга. – Мне такая картинка не помешает. Но я думаю, что ехать сюда, в Заводской район, тебе смысла нет.

– Пустой номер? – осведомился Гуров.

У них с другом был свой термин. Так они называли человека или обстоятельство, не представляющее интереса для расследования.

– Попал прямо в точку, – ответил Крячко. – Так что давай лучше встретимся у моего следующего собеседника. Его зовут Руслан Махмудович Ибрагимов. Он заявил, что ждет меня в своем офисе на улице Московской.

– Так это же в центре! – сказал Гуров. – Хорошо, диктуй адрес, я туда подойду. Да, я только сейчас вспомнил одну де-

таль. Ведь есть такая Веретенникова, одна из подруг погибшей актрисы. Человек, с которым ты сейчас разговаривал, случайно, не ее муж?

– Совершенно точно, Настя Веретенникова – его жена, – подтвердил Крячко.

– А она сейчас дома?

– По-моему, Насти дома нет. Сейчас я спрошу. Ага, Анатолий говорит, что она должна быть на работе, в театре.

– Хорошо, тогда делаем так. Встретимся возле офиса Ибрагимова, я отдам тебе фоторобот, потом вернусь в театр, поговорю с Настей. Ты мне кратко изложишь содержание разговора с ее мужем. Полчаса тебе хватит, чтобы добраться до Московской?

– Сейчас спрошу хозяина квартиры, – сказал Крячко и спустя минуту сообщил старинному другу: – Анатолий говорит, что полчаса мало будет. Даже если ехать на такси, то потребуется сорок минут.

– Хорошо, встретимся через сорок минут, – сказал Гуров.

После этого он позвонил майору, спросил, как ему покороче добраться до дома на Московской, отказался от служебной машины, любезно предложенной ему начальником управления, и направился в нужную сторону.

Офис Руслана Ибрагимова Лев Иванович отыскал без труда. Здание новейшей архитектуры выделялось среди неказистых домов столетней давности, окружавших его.

Стаса Крячко на ступеньках офиса не было, поэтому Гу-

ров отошел за угол, отыскал там возле жилого дома скамейку, уселся на нее и достал блокнот. За сегодняшний день у него накопилось уже достаточно много информации, которую было необходимо осмыслить, наметить новые пути исследования.

Этим он и занимался, когда знакомый голос рядом с ним произнес:

– Вижу картину напряженной умственной работы. Ты прямо уравнение с тремя неизвестными решаешь! Я угадал?

– Да, кое-какие уравнения решить надо, – ответил Гуров. Стас Крячко сел рядом с ним и потребовал:

– Давай этот самый портрет. Очень хочется увидеть человека, за которым мы гоняемся.

Гуров протянул ему распечатку.

Крячко некоторое время разглядывал изображение, затем свернул лист вчетверо, спрятал его в карман куртки и произнес:

– Знакомый тип лица! Мне все время кажется, что я этого мыслителя где-то видел.

– Вот и я подумал то же самое, – сказал Гуров. – Наш человек. Я бы даже рискнул назвать пару статей, по которым он отбывал срок.

– Ну да. – Крячко согласно кивнул. – Разбой, грабеж, может быть, убийство.

– Я уже дал майору указание проверить всех уголовников, которые в этом году вышли на свободу, – сказал Гуров. –

Может, он среди них найдется. А теперь скажи мне, что тебе сообщил Анатолий Веретенников.

– Ничего существенного, – ответил Крячко. – С Иннокентием за карточным столом они встречались каждую неделю. Обычно это происходило в клубе у Ибрагимова.

– В клубе? – удивился Гуров. – Каком клубе? Карточном? Или наш бизнесмен Руслан содержит подпольное казино?

– Я в этом заведении еще не был, – сказал Крячко. – Но, судя по рассказу Веретенникова, ничего похожего на казино там нет. Это такое маленькое уютное помещение на окраине города. Руслан Ибрагимов устроил его специально, чтобы встречаться там с друзьями и деловыми партнерами. Веретенников объяснил мне его мотивы. Дескать, в офисе не всегда удобно это делать, на квартире тем более. А в чужих кафе и ресторанах могут оказаться уши, да и вообще, обстановка там не та. Значит, они встречались по субботам, начинали часов в девять, заканчивали за полночь.

– Прокофьев всегда выигрывал?

– Нет, почему же. Да, он выигрывал чаще остальных, но иногда в плюсе оставались Ибрагимов или Веретенников. Очень редко Штейнер. И никогда – случайный партнер, которого они приглашали, если отсутствовал кто-то из постоянных игроков. Эти персонажи появлялись часто, каждый месяц мелькал новый человек.

– То есть они втроем – Прокофьев, Веретенников и Ибрагимов – чистили своего друга Романа, а также новичков?

– Я вижу, у тебя сложилось неправильное представление об этой компании. Веретенников заверил меня в том, что игра всегда велась честно, никто из них не жульничал. Просто они трое – игроки очень опытные, настоящие мастера этого дела. Штейнер любил играть, но уступал остальным. Очень редко бывало так, чтобы посторонний игрок им соответствовал.

– А откуда брался этот посторонний?

– Его приводил кто-то из постоянных игроков. Чаще всего это делал Веретенников. У него круг общения шире.

– А чем, кстати, он занимается?

– Анатолий, как и Прокофьев, тоже тренер, только не по бизнесу, а по гимнастике, фитнесу, тяжелой атлетике. Каждый день он встречается с десятками людей, может найти новых партнеров.

– Давай-ка мы с тобой очертим круг, откуда мог появиться убийца, – предложил другу Гуров. – Это новые партнеры, которые менялись каждый месяц. Еще в этом клубе имеется какой-то обслуживающий персонал. Эти люди видели игру, могли слышать реплики ее участников, знать, кто из них остался при деньгах. Ну и, наконец, основные партнеры: Веретенников, Ибрагимов и Штейнер. Согласен?

– Все вроде правильно, но Веретенникова, как я уже сказал, нужно вычеркнуть, – отвечал Крячко. – Если я хоть немного разбираюсь в людях, то Анатолий никак не мог организовать убийство. Он человек довольно простодушный,

немного безбашенный, но не убийца.

– Опять у тебя психологические этюды, – проворчал Гуров. – Ты ведь знаешь, что в нашем деле на психологию полагаться нельзя.

– Полностью нельзя, согласен, – отвечал Крячко. – Но если не использовать психологию и интуицию, а полагаться только на оперативные данные, то сколько времени придется потерять! Иногда психология очень выручает. Да что я тебе все это говорю. Ты сам на каждом шагу твердишь: «Моя интуиция мне подсказывает...» Разве не так?

– Так, – сказал Гуров, усмехнулся и поднялся со скамьи. – Ладно, психолог, пользуйся и дальше своими догадками. Значит, ты сейчас к Ибрагимову. Ну а я пойду познакомлюсь с женой Веретенникова, лучшей подругой Елены Прокофьевой. Послушаю, что она скажет.

Глава 9

Когда сыщик вошел в театр второй раз, здесь была уже совсем другая обстановка, нежели утром. Ни пустоты, ни тишины. По коридорам взад и вперед проносились странно одетые люди: кто в камзоле и парике, а кто в маске и костюме Бэтмена. Слышались музыкальные аккорды, хоровое пение, которое сменялось криками радости. Ясно было, что работа здесь в самом разгаре.

Гуров отправился к актерским уборным в надежде встретить кого-то знакомого, который сможет сказать, где сейчас находится Настя Веретенникова. Большинство уборных было закрыто, но в одной дверь оказалась нараспашку, оттуда доносились голоса.

Сыщик узнал один из них, заглянул в дверь и увидел знакомое лицо. Это был актер Никита Ганчук, создатель фоторобота человека, подозреваемого в убийстве.

Увидев сыщика, актер не продемонстрировал большой радости.

– Это вы, – пробормотал он.

Гуров, впрочем, и не рассчитывал на радость актера. Ему был нужен только ответ на один конкретный вопрос.

– Скажите, Никита, где я смогу найти Настю Веретенникову? – спросил он.

Ганчук посоветовался с двумя своими товарищами, сидев-

шими в комнате. Кто-то из них вспомнил, что видел Настю, спускавшуюся в театральный буфет.

Гуров тоже отправился туда.

Буфет для актеров и других театральных работников помещался в подвале. Сыщик подошел к нему и нос к носу столкнулся в дверях с молодой женщиной, которая стремилась выйти. Что-то подсказало Гурову, что перед ним именно та особа, с которой он как раз и хотел побеседовать.

– Простите, вы, случайно, не Настя Веретенникова? – спросил он.

– Да, я Веретенникова, – ответила женщина, глядя на сыщика не слишком приветливо. – А вы откуда? С телевидения? Или из журнала «Эротоман»? Я же по телефону все ясно сказала. Я с вами сотрудничать не собираюсь!

– Целиком вас в этом поддерживаю, – ответил Гуров. – Я бы с эротоманами тоже сотрудничать не стал. Но я совсем из другого ведомства. Я полковник Гуров из Москвы. Приехал, чтобы расследовать убийство вашей подруги Елены Прокофьевой. Я хотел бы с вами поговорить в связи с этим расследованием.

– Ой, простите меня! – воскликнула актриса. – Конечно, мне муж говорил, что в город приехали сотрудники уголовного розыска из Москвы. Да и Сережа Буров упоминал о вас. Я просто сразу не сообразила. Извините, что я так брякнула. Надо же было такое сказать!

– Ничего, не имеет значения, – успокоил ее Гуров. – Мне

даже лестно, что меня можно принять за человека с телевидения. Давайте где-нибудь с вами сядем и побеседуем. Где бы это можно было сделать?

– Удобнее всего в моей уборной, – сказала актриса. – Я первую сцену в «Знаках» уже прошла, вторая будет через полчаса. Эти тридцать минут в нашем распоряжении. Пойдемте.

Она повела сыщика на первый этаж.

Когда они вошли в театральную уборную, Настасья Веретенникова села на диван, сыщику подвинула стул, и их беседа началась.

– Мне прежде всего вот о чем хочется вас спросить. Скажите, вы хорошо знали вашу подругу Лену? – проговорил Гуров.

– Мне кажется, достаточно хорошо, – отвечала актриса. – Она со мной многим делилась, была очень откровенна. Например, про мужа, про Иннокентия, рассказывала достаточно интимные вещи. И как ссорятся, и как мирятся. О планах своих упоминала, о которых с другими никогда не разговаривала.

– Это все интересно, – сказал Гуров. – В свое время я вас еще спрошу и о муже, и о планах Елены. Но сейчас меня интересует другое. Скажите, Лена говорила с вами о своих страхах? О том, чего она боится?

На лице актрисы отразилось удивление.

– Страхы? – спросила она. – Но Ленка ничего не боялась,

у нее не было страхов! Она не пугалась ни темноты, ни воров, ни наглых поклонников. Знаете, бывают такие хамоватые, очень наглые типы. Она... – Тут вдруг Настя Веретенникова запнулась. – Знаете, – произнесла она уже не столь уверенно, – а ведь кое-что было. Я сейчас вспоминаю. Да, случалось несколько раз.

– Что именно? – осведомился Гуров. – О чем вы сейчас вспомнили?

– Однажды мы шли к ней домой из ресторана, – начала рассказывать актриса. – Поздно вечером, точнее, уже ночью. Так получилось, что с нами никого не было. Я имею в виду мужчин. Ее Кеша был в это время в деловой поездке, в Перми, проводил там семинар. Мой Толя тоже был занят. Но дело было в центре города, и мы с Ленкой смело шли себе. И вот я вижу, навстречу идет дядечка лет пятидесяти. Обычный такой мужичок, одет плохо. Мы с ним поравнялись, он косо на нас взглянул, даже вроде приостановился. Мы, конечно, дальше пошли. Но я вдруг вижу, Ленка вся прямо сжалась и ко мне подалась. Она испугалась, да еще как! Я удивилась. С ней никогда такого не было. «Ты чего? Мужика, что ли, этого испугалась? – спросила я. – Да мы с тобой вдвоем этого хлюпика легко отошьем!» А она мне бормочет: «Только бы не он! Нет, кажется, это не он. Если бы он, то нам уже пришел бы конец. Посмотри осторожно, он за нами идет?» А сама вся дрожит. Я осторожно так оглянулась и увидела, что мужика уже нет. Ушел. Я ей так и ска-

зала. Ушел, мол, твой опасный мужик. Она тоже оглянулась, кругом осмотрелась. Потом пошли мы дальше. Только она до самого дома все не могла успокоиться, все время оглядывалась и бормотала: «Нет, конечно, это был не он. Если бы он, тогда уже...»

Актриса замолчала, а Гуров в нетерпении спросил:

– Что «тогда уже»? Что она имела в виду?

Настя Веретенникова пожала плечами:

– Откуда я знаю? Она больше ничего не говорила. А когда я уже у нее дома стала допытываться, кого Лена так боялась, она все обратила в шутку. Сказала, что у нее был такой опасный ухажер, потом она его отшила, но он все к ней пристаёт. Но я ей не поверила. Вообще-то Ленка мне редко врала. Но в тот раз я точно знала – она врет. На ухажера тот мужик совсем не был похож.

– А на кого же он был похож?

– Даже не знаю. – Плечи актрисы снова пришли в движение. – На бомжа какого-то. Или на блатного. Да, пожалуй, он походил на уголовника.

Гуров достал из кармана фотографию, положил ее на стол перед актрисой и спросил:

– Вот на этого человека тот страшный мужик не был похож?

Настя взяла фото, некоторое время разглядывала его. Ее лицо выразило сомнение.

– Не знаю. Все-таки я видела его только мельком и бы-

ло темно. Но знаете, что-то похожее есть. Да, определенно есть какие-то общие черты, – проговорила она и спросила: – А что это за тип?

– Этого человека видели в театре примерно месяц назад, – ответил Гуров, пряча фото в карман.

Настя застыла. Теперь ее лицо выражало страх, самый настоящий, неподдельный.

– Здесь, в театре?! – прошептала она. – Не может быть!

– К сожалению, может, – сказал Гуров. – А скажите, как давно произошел этот эпизод со страшным мужиком?

– Когда это случилось? – Актриса ненадолго задумалась. – Вроде бы недавно. Да, не больше месяца назад. Где-то в начале августа.

– Вы позже не разговаривали с вашей подругой об этом случае? Не спрашивали, почему она так испугалась?

– Я ведь вам говорила, что тогда же, в тот же вечер спросила. А она мне стала врать насчет какого-то ухажера. Вот я и отстала. Зачем заставлять человека врать? Правду она все равно не скажет.

– Поведение Лены после того случая не изменилось? Может быть, вы заметили в ней какую-то настороженность?

Настя подумала минуту, потом воскликнула:

– А ведь вы правы! Да, действительно! Тогда я не придавала этому значения, а теперь вижу, что так оно и было!

– Что именно было? Чему вы не придали значения?

– Она стала оглядываться. Выходим мы вместе из театра,

Лена обязательно оглянется, словно ищет кого-то, и только потом соглашается идти, куда мы хотели. Или просто по улице идем, и она нет-нет да и повернет голову.

– Раньше у нее такой привычки не было?

– Нет, раньше я ничего такого не замечала.

– Она никогда не говорила, что кого-то боится?

– Определенно нет. О своих страхах, если они у нее и были, она не говорила.

Теперь на минуту замолчал сыщик, обдумывая услышанное.

– Послушайте, Настя, я предлагаю вам вместе порассуждать, – сказал он затем. – Лена встретила человека, который ей напомнил какой-то страшный эпизод из ее прошлого. В таком случае встает вот какой вопрос. Что могло с ней случиться, оставить такой страх? Скажите, вы хорошо знали прошлое своей подруги?

– Интересный вопрос, – пробормотала Настя, чуть помолчала и продолжила: – Я раньше никогда не думала об этом. Ну, что я знаю о прошлой жизни Ленки. Но вот теперь, когда вы спросили, я стала вспоминать и поняла, что плохо знаю ее жизнь. До брака с Иннокентием практически ничего.

– А они с Иннокентием давно женаты?

– Нет, совсем недавно. Они два года назад поженились. До этого еще год встречались.

– А в театр она когда поступила? Как давно вы знакомы с Еленой?

– В наш театр она пришла три года назад. Да, ровно три года прошло. Она в сентябре появилась, и сейчас сентябрь. Тогда мы с ней и познакомились.

– Откуда она пришла? Где до этого работала?

– Где-то на юге, кажется. В Краснодаре или в Ростове, точно не помню. Она там окончила театральное училище, стала играть. У нее были хорошие отзывы. Наш главный, Аркадий Львович, обратил на нее внимание, списался с ней и пригласил сюда, в Заозерск.

– Вот видите, как много вам известно! – заявил Гуров. – А говорили, что ничего не знаете.

– Вы считаете, это много? – спросила актриса. – А мне кажется, это сущая ерунда. Три строчки из анкеты. Видите, я даже с городом путаюсь. А остального я вообще не знаю. Где Лена родилась и училась, кто ее родители, чем она увлекалась в детстве. Да что говорить. Есть масса вещей, которыми подруги делятся друг с другом. Но Лена об этом никогда не рассказывала.

– То есть она была скрытной?

– Да, пожалуй, – согласилась Настя. – Можно сказать и так.

– Но ведь у нее были еще подруги, кроме вас, – вспомнил сыщик. – Мне называли двух, Ольгу Мерцлину и Наташу Колесову. Причем говорили, что Наташа – самая близкая подруга Лены. Может, они что-то знают о ее прошлом?

Актриса в который раз пожала плечами:

– Может, и знают. Хотя я сомневаюсь. Мы часто собирались вместе, вели общие разговоры. Что-то я не помню, чтобы Лена была при этом более откровенной, чем со мной одной.

– Что ж, большое вам спасибо, Настя. Вы мне очень помогли, – сказал сыщик, поднимаясь. – Скажите, где я могу найти вашего главного режиссера Саморукова? Наверно, он у себя в кабинете?

– Аркадий Львович в кабинете редко сидит, – с усмешкой проговорила Настя. – Можно даже сказать, что никогда там не сидит. Он на главной сцене, проводит репетицию, или на учебной, отрабатывает с кем-то из актеров будущие роли. Там его надо искать.

– Что ж, пойду займусь этим, – сказал Гуров.

Глава 10

На главной сцене Аркадия Саморукова не оказалось, и Лев Иванович принялся плутать по коридорам в поисках учебной. Через несколько минут он отворил очередную дверь и оказался в зале, рассчитанном где-то на шесть десятков зрителей. Зал был погружен во тьму, и только сцена была ярко освещена.

На ней находились три человека. Молодая девушка стояла в самой середине и произносила странный монолог. Мол, все живые существа на Земле совершили свой круг, умерли. Теперь жива я одна, Мировая Душа. Из этого Гуров заключил, что идет репетиция чеховской «Чайки».

Сбоку, возле кулис, сидел мужчина лет сорока, лысый, но при этом обладающий окладистой бородой. С другой стороны сцены, тоже возле кулис, наблюдал за происходящим молодой человек.

Когда девушка дошла до сообщения о том, что приближается ее враг, дьявол, бородач вскочил со стула и закричал:

– Стоп! Не годится! Кого заинтересует эта бесстрастная информация? Ты должна испытывать самый настоящий ужас и передать его зрителю! Конечно, Заречная – никакая не актриса, но ты должна играть вовсе не ее, а дух пьесы, написанной Треплевым! А ты... – Тут он вдруг обернулся к двери, возле которой стоял Лев Иванович, и сурово спро-

сил: – Почему здесь посторонние? Вам чего?

– Я полковник полиции Гуров, – представился сыщик. – Мне необходимо с вами поговорить.

– Да, я понимаю, – сказал главный режиссер. – Но, как видите, я занят. Вы не могли бы подождать полчаса у меня в кабинете? Костя, будь любезен, проводи господина полковника ко мне.

Режиссер больше не обращал внимания на сыщика. Он вновь повернулся к актрисе и начал давать ей указания, как играть эту роль.

Молодой человек спустился со сцены и сказал Гурову:

– Пойдемте, я вас провожу.

Сыщик пустился в путь по лабиринту коридоров и лестниц и вскоре очутился в скромно обставленном кабинете главного режиссера. Здесь актер Костя усадил Льва Ивановича на стул и хотел было исчезнуть.

Но Гуров его задержал и спросил:

– Скажите, а ваш главный, он всегда так суров?

– Да это он разве суров! – заявил молодой актер. – Вы не видели, когда он по-настоящему сердится. Это случается, если кто-то опоздает на репетицию или упорно не понимает его указаний. Он просто в пыль готов такого человека стереть! Если бы дело происходило в прежние времена, то он отдал бы этого типа палачу!

– Ну а с начальством как же? – продолжал допытываться Гуров. – Если, например, сюда придет мэр города или губер-

натор?

– Ни мэра, ни губернатора я у нас никогда не видел, – отвечал Костя. – Они театральными делами не интересуются. Министр культуры несколько раз бывал, это правда. Он поздравлял Аркадия Львовича и весь наш коллектив с победой на очередном театральном фестивале. Но если бы министр или даже губернатор пришли не с поздравлениями, а с какой-то критикой, то Аркадий Львович держался бы точно так же. Он человек независимый, это все знают.

– Замечательное качество! – заявил Гуров. – А часто он репетирует наедине с молодыми актрисами, вот как сейчас?

Актер Костя сразу насупился и посмотрел на сыщика с явным осуждением.

– Вы хотите сказать, что Аркадий Львович к девушкам пристаёт? – сурово спросил он. – Да они сами к нему липнут как мухи! У него голова только одним занята – театром, новой постановкой!

– Я сам так подумал, когда увидел вашего главного, – отвечал Гуров. – Очень хорошо понимаю, что молодые актрисы должны влюбляться в такого руководителя. Он обожает свое дело, известен, суров. Скажите, а Лена Прокофьева тоже была влюблена в своего главного режиссера?

На лице молодого актера отразилась сложная гамма чувств.

– Лена? – сказал он. – Не знаю. Не мое это дело. Вы лучше у самого Аркадия Львовича спросите. Вот, кстати, и он.

Послышались шаги, и в кабинет вошел его хозяин.

– Все, Костя, можешь идти на главную. Скажи Алле Аркадьевне, чтобы она с тобой и Ксенией повторила сцену спектакля в спектакле, – распорядился Саморуков.

Молодой актер покинул кабинет.

Главный режиссер обошел вокруг стола, сел в свое кресло, исподлобья взглянул на сыщика и произнес:

– Я вас слушаю. Как я понимаю, вас интересует все, что имеет отношение к трагической гибели Елены Прокофьевой, не так ли?

– Совершенно верно, – отвечал Гуров. – Не только все, касающееся ее смерти, но и то, что имеет отношение к ней самой. Чтобы найти убийцу, мне нужно лучше узнать личность погибшей женщины. Здесь я столкнулся с одним препятствием. Как мне стало ясно из бесед с актерами, Елена Анатольевна была человеком скрытным, мало что о себе сообщала. Говорят, что лучше остальных ее знали вы. Это так?

– Да, наверное, я знал Лену лучше всех в театре, – ответил режиссер.

Гуров отметил его манеру говорить не спеша, обдумывая каждую фразу.

– Я первый открыл дарование Елены Прокофьевой и пригласил ее в Заозерск, – продолжал Саморуков. – Вас, наверное, интересует, при каких обстоятельствах это произошло?

– Совершенно верно. Я уже сказал, что меня интересуют любые сведения о ней. Например, мне хочется хоть что-то

узнать о ее детстве.

– О детстве Елены я ничего не знаю. А вот о ее родителях мне кое-что известно. Точнее, об одном из них, об отце. Но давайте я лучше вам все расскажу по порядку.

– Да, так будет правильнее, – согласился с этим предложением Гуров.

– Хорошо, начнем сначала, – сказал Саморуков, встал и начал расхаживать по кабинету.

– Я постоянно нахожусь в поиске молодых талантливых артистов, – проговорил он. – Слежу за отзывами в интернете, в прессе. Когда меня кто-то начинает интересовать всерьез, выезжаю в нужный город и смотрю молодого актера в его родной, так сказать, среде. Так шесть лет назад я впервые услышал о совсем молодой, начинающей актрисе ростовского театра Елене Масленниковой. Отзывы были разноречивые. Одни критики писали, что молодая актриса находит новое прочтение известных ролей, другие заявляли, что она переигрывает. Нужно было посмотреть на нее самому. Я поехал в Ростов, там познакомился с Леной. – Саморуков на некоторое время умолк.

Он стоял у окна и глядел на улицу так, как будто хотел там увидеть продолжение своего рассказа. Гуров не торопил его.

Он уже понял, что режиссер принадлежит к типу людей, которые не нуждаются в понуканиях и сами определяют темп и характер собственного монолога.

– Да, я увидел Лену, ее игру в двух спектаклях, в «Чай-

ке» и «Много шума из ничего», – продолжал главный режиссер. – Роли были совершенно разного плана, но в обоих случаях она находила новые краски, играла точно, правильно. Я сразу решил, что постараюсь пригласить такую талантливую актрису в свой театр. Я с ней познакомился, побеседовал. Она была рада услышать мои похвалы, поблагодарила меня за высокую оценку ее таланта, выслушала приглашение приехать в Заозерск.

– Но не приехала? – спросил Гуров.

– Нет, не приехала, – подтвердил Саморуков. – Решительно отказалась. Она заявила, что тут, в Ростове, у нее дом, друзья, отец, жених. Порывать со всем этим она не хочет. Лена отказалась, но не насовсем. Она заявила, что сперва наберется опыта, как жизненного, так и сценического, и потом, может быть, примет мое приглашение. Я все это выслушал и вернулся к себе в театр, изрядно разочарованный. Я понимал, что это обещание приехать позже ничего не значит. Набравшись опыта, приобретя известность, молодые актеры из провинции уезжают не в какой-то Заозерск, а в Москву. В общем, я был уверен, что Лену Масленникову больше не увижу. Разве что чисто случайно.

– Однако вы ошиблись, – подал реплику сыщик.

– Да, я ошибся, – сказал режиссер и согласно кивнул. – Прошло два года, и вдруг в один осенний день Лена возникла на пороге нашего репетиционного зала. В точности так, как вы сегодня. Я был крайне удивлен, спросил, что случилось.

Она ответила, что случилось многое. В Ростове ей больше незачем оставаться. Поэтому Лена и решила принять мое приглашение. Я, естественно, стал спрашивать, что именно произошло, но она отвечала очень неохотно. Я узнал лишь самое основное. Ее отец внезапно скончался, с женихом она порвала. Оба эти события нанесли ей тяжелую душевную травму. Поэтому она не может больше оставаться в родном городе.

– Она не говорила, отчего умер ее отец? Может, его убили?

– Нет, тут она выразилась достаточно ясно. Сказала, что отец умер в результате острого сердечного приступа.

– А что произошло с женихом?

– Вот тут она наотрез отказалась сообщать какие-либо подробности. Я даже имени этого жениха не узнал. Да, Лена была скрытной девушкой, что редко случается в актерской среде. Она умела хранить тайны.

– Мне в общих чертах известно все то, что случилось после ее приезда, – сказал Гуров. – Елена начала работать, получила большую известность, затем познакомилась с Иннокентием Прокофьевым, вышла за него замуж.

– Да, все так и происходило, – подтвердил режиссер. – Правда, мне показалось, что Лена очень торопилась выйти замуж, ухватила за первого подходящего кандидата. С ее талантом она могла найти гораздо более интересного человека.

– То есть вы считаете, что с ее стороны большой любви не было? – осведомился Гуров.

– Да, вы это точно сформулировали, – сказал Саморуков. – Любовь была в основном со стороны Иннокентия, но свадьбы хотели оба.

– Скажите, а в дальнейшем, в те годы, в течение которых она работала в вашем театре, Лена когда-нибудь еще упоминала о событиях из своего прошлого? Говорила что-нибудь о женихе, отце, своем детстве?

Режиссер решительно покачал головой и ответил:

– Нет, я такого не припомню. Может, вам что-то расскажут ее подруги, Оля, Наташа, Настя. Или муж. При мне она о своей юности ничего не говорила.

– Понимаю, – сказал сыщик, достал из кармана лист бумаги, развернул его, положил на стол перед руководителем театра и спросил: – Скажите, вы никогда не видели этого человека? Говорят, некоторое время назад он заходил в театр.

Саморуков взял лист, взгляделся в него.

– Какое характерное лицо! – пробормотал он. – Тяжелый подбородок, такие же надбровные дуги. Такое лицо один раз увидишь, сразу запомнишь.

– Так вы его видели? – нетерпеливо переспросил Гуров.

– Нет, я этого субъекта не видел, – отвечал режиссер. – Ошибиться тут никак невозможно. Я же вам говорю, такие лица запоминаются сразу и крепко.

– Вот как? – произнес Гуров. – Вы, я вижу, разбираетесь

в людях, в их лицах. Что вы могли бы сказать об этом человеке?

– Что я могу сказать? – Саморуков еще раз взгляделся в картинку. – На основании этого изображения трудно сделать определенные выводы. Ведь это не снимок. Я забыл термин.

– Фоторобот, – подсказал ему Гуров.

– Да, конечно, фоторобот. Это очень обобщенное изображение, на котором отсутствуют мелкие черты. Это мешает, сбивает с толку. Но все же некоторые предположения можно сделать. – Режиссер еще раз взглянул на портрет и продолжил: – Это человек с сильной волей. Он ни с кем не считается, только с собой. У него почти нет привязанностей и слабостей. Разве что алкоголь, но и выпивку он может держать под контролем. Этот человек не уважает ни других людей, ни их законы. Из таких людей чаще всего получают матерые преступники или – вы уж простите – люди профессий, родственников вашей, разного рода полицейские, охранники, спецназовцы.

– Очень интересные выводы, – сказал Гуров, забирая со стола лист бумаги. – Я их обязательно учту. Жаль, что вы не видели этого человека вживую. Значит, вы советуете мне поговорить с подругами Елены Прокофьевой?

– Да, и прежде всего с Настей Веретенниковой, – ответил режиссер. – Кроме нее, с Олей Мерцлиной и Наташей Колесовой.

– С Настей я уже беседовал, – сказал сыщик. – Значит, мне осталось поговорить еще с двумя женщинами. Где я могу их найти?

– Они у нас в театре бывают не так часто, – отвечал Саморуков. – Лучше связаться с ними по телефону. Сейчас я вам дам их номера. Записывайте.

Глава 11

Гуров вышел из кабинета и спустился в фойе. Он уже собрался звонить Ольге Мерцлиной, когда его телефон вдруг ожил сам. Льва Ивановича беспокоил майор Проценко.

– Да, слушаю, – ответил Гуров. – У тебя что-то случилось?

– Можно сказать и так, – отвечал начальник управления. – Кое-что случилось, но не у меня, а у всех нас. Дело в том, что час назад был ограблен продуктовый магазин, находящийся на проспекте Энтузиастов.

– И что? – с удивлением осведомился сыщик. – Ты предлагаешь нам всем переключиться на поиск человека, который украл котлеты и печенье? Или он еще что-то унес?

– Во-первых, грабитель забрал не котлеты, а деньги, всю выручку за первую половину дня, – ответил майор. – Сумма, как мне сказали, получилась немалая, около двухсот тысяч. Грабитель пришел в магазин буквально за несколько минут до приезда инкассаторов, которые должны были эту выручку забрать. То есть он знал график их работы. Ему было известно, сколько примерно денег в кассе. Стало быть, это был человек опытный. Во-вторых, грабитель был вооружен. У него был пистолет, и он готов был пустить его в ход. Но дело даже не в этом, а вот в чем. Бандит был в маске, вроде респиратора. Но он надел ее только на входе в магазин. Камера, висящая на соседнем здании, зафиксировала его лицо. Так

это был наш клиент!

– Тот самый человек, чей фоторобот мы сегодня составили! – воскликнул Гуров. – Я тебя понял, майор! Говори адрес магазина, я сейчас туда приеду!

Спустя несколько минут сыщик на такси приехал на проспект Энтузиастов.

Вход в магазин был оцеплен полицией. Перед ним толкались любопытные прохожие.

Майора Проценко сыщик нашел в кабинете директора магазина.

Тот сидел за столом и допрашивал продавщицу, наверное, уже не первую.

– Можете вы мне точнее сказать, какого возраста был грабитель? – спросил Проценко.

– Он немолодой, – отвечала продавщица, женщина лет тридцати пяти. – Постарше меня будет. Лет, наверно, сорок пять. Но ловкий, сильный, физически крепкий.

– Откуда вы это знаете? – допытывался майор. – Он что, при вас мешки поднимал?

– Нет, он ничего не поднимал, но ведь это видно по тому, как человек двигается, смотрит, – последовал ответ. – Это был не задохлик какой-то, а крепкий мужик.

Проценко был готов задать следующие вопросы, но увидел Гурова, тут же уступил свое место полицейскому капитану, а сам подошел к сыщику. Они вдвоем вышли в торговый зал и отошли в сторону, где им никто не мешал.

– Расскажи подробнее, как все произошло, – потребовал Гуров. – С самого начала.

– Значит, дело обстояло так, – начал майор. – В половине второго в магазин вошел человек в маске. Сейчас в связи с эпидемией многие в них ходят. Поэтому на него поначалу никто не обратил внимания. Он сразу же заблокировал дверь, чтобы ни один человек не мог снаружи войти в магазин.

– Каким образом заблокировал? – поинтересовался Гуров. – У него был ключ?

– Нет, ключа у него не было, – отвечал майор. – У него был с собой деревянный брусок нужного размера, так что он точно подходил к размеру дверных ручек магазина. Грабитель вложил его под ручки, и двери были прочно заперты. Затем он подошел к одной из двух касс, работающих в этот момент. Этот тип достал пистолет и выстрелил в воздух прямо над головой кассирши. Потом, как говорят свидетели, грабитель громко произнес: «Это ограбление! Пока без убийств. Но если кто-то будет дурить, то будут и они! Всем лечь на пол!» Он наставил пистолет на покупателей. Те подчинились.

– Выходит, сообщников у него не было, он действовал один, – проговорил Гуров.

– Да, на наличие сообщников ничто не указывает, – сказал Проценко. – Значит, грабитель заставил покупателей лечь на пол, а затем приказал кассиршам открыть денежные ящики. Обе женщины свидетельствуют, что грабитель подавал

свои команды очень убедительно. У них не возникало сомнения в том, что в случае сопротивления он немедленно пустит в ход оружие. Поэтому кассирши подчинились беспрекословно. Грабитель достал сумку и стал перекладывать в нее выручку. В этот момент одна из работниц магазина, которая находилась сбоку от грабителя, сумела незаметно нажать кнопку сигнализации. В охранном предприятии, у которого был договор с магазином, сработала система вызова. Сотрудники немедленно поехали по адресу. Одновременно сработала сигнализация в кабинете директора. Он, молодой мужчина, выбежал в зал, увидел, что происходит, и закричал: «Стой, не двигайся! Магазин окружен!»

– Храбрый мужик, – заметил Гуров. – И как же поступил грабитель?

– Он, не медля ни секунды, выстрелил в директора и попал ему в плечо, – отвечал Проценко. – Тот упал, многие покупатели и продавцы стали кричать. Тогда грабитель, как говорят свидетели, заорал: «Заткнули рты! А то всех перестреляю!» Люди замолчали. Он собрал деньги, которые еще оставались во второй кассе, после чего быстро вышел из магазина и побежал за угол. Как выяснилось, там у него была машина. Преступник уехал. Спустя две минуты прибыла группа быстрого реагирования из частного охранного предприятия. Еще через пять минут появились инкассаторы из банка. Они приехали за выручкой.

– Задержать машину грабителя не удалось?

– Не удалось. Да он и недалеко на ней уехал. Машину спустя короткое время нашли в нескольких кварталах от магазина.

– Машина, конечно, угнанная?

– Совершенно верно. Она была угнана в это же утро с окраины города. Владелец машины, опрошенный нами, показал, что пользовался ею редко, не чаще одного раза в неделю, в основном для поездок на дачу или на рыбалку. Поэтому он даже не знал, что его машина угнана.

– Ты уже просмотрел записи с камер наблюдения магазина за последние две недели?

– Понимаю, что вы хотите сказать, – произнес Проценко. – Действия грабителя доказывают, что он успел тщательно изучить график работы магазина и инкассации, прикинуть размер выручки, даже дверные ручки сумел замерить. Стало быть, преступник появлялся здесь и раньше, причем не один раз. Нет, я еще не успел изучить эти записи, но обязательно это сделаю.

– Покажи мне запись, где его зафиксировала камера магазина, – потребовал Гуров.

– Это можно сделать в кабинете директора, – сказал майор. – Пойдемте, покажу.

Они направились к двери, расположенной в конце зала. По дороге Гуров спросил:

– Насколько серьезную рану получил директор?

– Достаточно серьезную, – отвечал Проценко. – Пуля за-

стряла в мышце. Человека пришлось оперировать. Но сейчас, как мне сказали, его состояние устойчивое. Магазином временно руководит старший продавец.

Они вошли в небольшой кабинет. Проценко провел сыщика к экрану монитора и включил запись. На ней Гуров увидел человека в старой куртке, который двигался, низко опустив голову. Возле дверей магазина он достал из кармана куртки маску, быстрым движением надел ее на голову, после этого шагнул к двери и пропал из поля зрения камеры.

– Как видите, лицо преступника почти незаметно, – прокомментировал эти кадры Проценко. – Однако мы постарались извлечь из этого материала максимум возможного. В итоге получили вот такое изображение.

Он выбрал нужный файл, и на экране возникла фотография. Человек, старающийся как можно быстрее надеть маску. В этот момент он немного поднял голову, и лицо стало различимо. Гуров вгляделся в него пристальнее. Да, это была та самая физиономия, которую он видел у фоторобота.

– Да, это он, ты прав, – сказал сыщик. – Что ж, наш фигурант оставил множество следов, дал нам несколько зацепок, по которым мы можем его искать. Про одну мы уже говорили. Это изучение старых записей с камер магазина. Затем надо опросить людей, живущих возле дома, от которого была угнана машина. Преступник наверняка должен был появляться там раньше, приглядеться к обстановке, понять, что автомобилем владелец пользуется редко. Может, он да-

же с кем-то разговаривал. Наконец, оружие. Поскольку грабитель сделал два выстрела, у нас есть гильзы.

– И гильзы, и пули, – проговорил майор. – Наши ребята уже нашли одну. Она попала в потолок, срикошетила от него и оказалась на полке с конфетами.

– Ну вот, надо постараться определить, что это за пистолет, откуда он взялся. Да, и еще один момент. Для чего нашему фигуранту понадобились деньги? Где он будет их тратить?

– Может, он, как многие уголовники, привык широко жить, часто ходить в рестораны? – предположил Проценко. – Тогда мы можем его поискать по таким заведениям. Надо пройтись по всем, а особо внимательно по таким, где любят бывать бандиты.

– Можно походить и по ресторанам, – сказал Гуров. – Но мне кажется, что наш фигурант – человек другого типа. У меня есть основания так думать. У него уже была возможность устраивать гулянки в ресторанах. Ведь в квартире Прокофьевых он разжился кое-какими деньгами. Однако никакого загула не было. Прошло всего три дня, и он совершил новое преступление. На что ушли эти три дня? Разумеется, на подготовку к грабежу. Значит, перед нами не обычный бандит, а человек упертый, у которого есть определенный план. Он ему следует.

– Да, ваше рассуждение очень логично, – произнес Проценко. – Так на что же в таком случае наш фигурант употре-

бит похищенные деньги?

– Я вижу два варианта, – ответил Гуров. – Он просто набирает нужную сумму, копит деньги, чтобы потом употребить их для какой-то цели. Например, хочет покончить с криминалом, купить бизнес и начать новую жизнь. Или же эти двести тысяч ему нужны для того, чтобы провести более крупную операцию, например, ограбить банк, получить сразу несколько миллионов. Лично я склоняюсь ко второму варианту. Я думаю, что перед нами крупная фигура, акула преступного мира. В таком случае в ресторанах вы его не найдете. Этого господина нужно искать возле банков, ломбардов, больших ювелирных магазинов. Еще он может задумать нападение на машину инкассаторов.

– Но такую крупную акцию нельзя осуществить в одиночку! – заявил Проценко. – Тут обязательно нужны сообщники. Ограбление банка, тем более нападение на инкассаторов, – это настоящая боевая операция. Для этого нужны хотя бы три, а лучше четыре человека.

– Совершенно согласен, – сказал Гуров. – Значит, наш фигурант будет искать сообщников. Вам нужно обратить внимание на криминальные круги, проследить за теми уголовниками, которые уже участвовали в ограблениях. Может, они при этом играли не самые значительные роли, поэтому получили небольшие сроки, уже отбыли их и теперь находятся на свободе. Вы ведь знаете таких людей, верно? Вот и понаблюдайте, не обратится ли к кому-то из них кто-ни-

будь с интересным предложением.

– Хорошо, мы это сделаем, товарищ полковник, – сказал Проценко. – Я дам указания на этот счет своим подчиненным. А вы сейчас что будете делать? Вернетесь в управление?

– Нет, я сначала позвоню одной женщине, работающей в театре художником, – сказал Гуров. – Если получится, отправлюсь на встречу с ней. А ты, прежде чем побежишь давать указания, сделай для меня одно дело. Распечатай, пожалуйста, это изображение. – Лев Иванович кивнул на экран монитора, на котором застыло лицо человека, стоявшего перед входом в магазин и натягивающего маску. – Потому что фоторобот у нас неплохой, но эта картинка все-таки лучше.

– Сейчас распоряжусь, – отвечал майор и убежал отдавать распоряжения.

Гуров достал телефон и набрал номер Ольги Мерцлиной. После нескольких гудков звонкий женский голос ответил на вызов:

– Я слушаю. Кто говорит?

– Я полковник Гуров, – сказал сыщик. – Приехал в ваш город из Москвы, чтобы расследовать убийство Елены Прокофьевой. Сейчас я опрашиваю всех, кто знал эту женщину. Я уже беседовал с руководителем вашего театра Саморуковым, с режиссером Буровым, с Настей Веретенниковой, еще с несколькими актерами. Мне сказали, что вы были близкой подругой Елены. Так что мне нужно поговорить и с вами.

Мы можем это сделать прямо сейчас?

– Сейчас я сижу над рисунками, – неуверенно проговорила художница. – Мне бы не хотелось... Хотя что я говорю! – прервала она сама себя. – Ведь речь идет о Лене, о ее смерти! Да, конечно, мы можем увидеться. Я могу приехать в театр.

– А вы сейчас где, дома? – уточнил сыщик.

– Да, я дома, работаю над эскизами декораций для очередной постановки.

– Тогда я мог бы приехать к вам домой, если вы не против, – сказал Гуров. – Назовите адрес, и я буду у вас.

– Хорошо, давайте встретимся у меня. Так будет еще лучше, – согласилась Ольга с таким предложением. – Правда, у нас будет не так много времени. К шести мне идти в садик, забирать сына.

– Ничего, мы успеем, – сказал Гуров. – Или вместе дойдем до садика. Говорите, куда ехать.

Ольга назвала ему свой адрес, сыщик его записал. Как он понял, это место находилось на окраине, довольно далеко от центра. Лев Иванович вызвал такси, а пока дожидался, вернулся майор Проценко и принес распечатку портрета грабителя, запечатленного камерой наблюдения. Гуров свернул ее, положил в карман и отправился на встречу с еще одной подругой убитой актрисы.

Глава 12

Ольга Мерцлина жила в старой хрущевке, построенной еще в середине прошлого века. Квартира находилась на последнем, пятом, этаже панельного дома, лифта в котором не было. Впрочем, для Гурова покорение пятого этажа не представляло никакой трудности.

«А вот с маленьким ребенком подниматься, наверное, трудно», – подумал он, взбираясь на верхотуру.

Дверь ему открыла женщина небольшого роста, худенькая, похожая на подростка. Самой интересной деталью ее внешности были большие черные глаза, которые внимательно вглядывались в собеседника, изучали его.

«Сразу видно, что перед тобой художник, – подумал Гуров. – Наверное, она уже готова написать мой портрет. Вот кто мог бы составить для нас идеальный фоторобот преступника».

Хозяйка провела его в комнату, единственную в этой квартире. Почти половину ее занимал детский уголок. Там стояла кроватка, на полу лежал мягкий ковер, на котором ребенку было удобно играть. Стены были увешаны яркими, веселыми рисунками.

В другой части комнаты стоял мольберт. Здесь тоже висели рисунки, но уже не такие веселые. Очевидно, это было рабочее место самой Ольги.

Несмотря на тесноту, на мебель, собранную, что называется, с бору по сосенке, комната выглядела очень обжитой и уютной.

«Интересно, где же в таком случае помещается муж?» – подумал сыщик.

О наличии такового он догадался, заметив в прихожей ботинки явно мужского фасона и размера и куртку на вешалке.

Тут, словно отвечая на его невысказанный вопрос, Ольга сказала:

– Видите, какая у нас теснота. Живем втроем, хотя Игорь не так уж и часто бывает дома. Он вахтовик, трудится на Севере. Должен прилететь через неделю. Ах, зря я вас сюда привела. Пойдемте лучше на кухню. Я заварю чай, попьем, заодно и поговорим.

Они отправились на кухню. Здесь тоже было тесно, однако для сыщика нашлось место за небольшим столиком. Хозяйка приготовила чай, разлила его по чашкам, поставила их на скатерть и села напротив гостя.

– Значит, вы хотели поговорить про Лену, – сказала она. – Но что именно вас интересует?

– Сейчас объясню, – отвечал Гуров. – Я сыщик, ищу убийцу. Значит, мне интересно, кто он, с какой стороны мог появиться, выйти на свою жертву, как о ней узнал. Я выяснил, что преступник, кажется, следил за Леной. Его видели в театре. Вот фоторобот, составленный по описанию, данному одним из актеров. Взгляните, скажите, может быть, вы где-ни-

будь видели этого человека? – Лев Иванович положил перед хозяйкой квартиры портрет предполагаемого убийцы и тут же присоединил к нему второй, только что полученный от майора Проценко. – Вот еще одно изображение того же человека. Оно сделано только сегодня, – сказал Гуров. – Он ограбил магазин, и его зафиксировала камера наблюдения. Итак, видели ли вы когда-то этого человека и что можете о нем сказать?

Ольга Мерцлина некоторое время разглядывала портреты, переводя взгляд с одного на другой.

Потом она медленно покачала головой и сказала:

– Нет, я его не видела. Такое лицо трудно не заметить, не запомнить. Да, этот человек похож на убийцу. Он не знает ни сочувствия, ни жалости. Страшный тип!

– Что ж, тут вы мне помочь не сможете, – заявил сыщик, пряча фотороботы. – Но у меня есть еще ряд вопросов. Может быть, этот человек знал вашу подругу раньше? Да и она его? Настя Веретенникова мне рассказала о необычном случае, который произошел с Леной. Примерно месяц назад они вместе возвращались домой, и им встретился мужчина лет пятидесяти. Он с ними не заговорил, не приставал. Однако Лена страшно испугалась и произнесла: «Только бы не он». Из чего можно было заключить, что она боялась какого-то человека, известного ей. Когда Настя пристала к ней с расспросами, Лена все обратила в шутку и ничего рассказывать не стала. Вы знаете о таком эпизоде?

Оля отрицательно покачала головой:

– Нет, я впервые об этом слышу. Но знаете, я не удивилась. Это очень похоже на Лену.

– Что похоже?

– Понимаете, она была человеком очень скрытным. Я, например, придаю большое значение детству человека, всех расспрашиваю об этих годах. Скорее всего, это связано с тем, что у меня есть сын, и мы с Игорем не думаем останавливаться на одном ребенке. Так вот, Лену я тоже спрашивала о ее детстве. Но она обычно отделялась самыми общими фразами, не говорила ничего конкретного. Я уже стала думать, что у нее было тяжелое, несчастливое детство, но однажды она на минуту раскрылась, проговорила. Я поняла, что дело обстояло совсем не так.

– Расскажите подробнее об этом случае, – попросил Гуров свою собеседницу. – Где это случилось, при каких обстоятельствах? Что именно сказала ваша подруга?

– Как-то после премьеры мы почти всем коллективом поехали на пикник, хотели отметить это событие, – начала рассказывать Оля. – Дело было в пригородном лесу. Стояла золотая осень, такая же, как и сейчас, была прекрасная погода. Мы посидели вокруг костра, поболтали, подурачились, а потом вдвоем с Леной отошли погулять в березовую рощу. Вокруг было так красиво, что, видимо, это на нее подействовало, вызвало на откровенность. Она внезапно стала рассказывать, какое у нее было хорошее детство, каким

внимательным, заботливым человеком был ее отец. Лена говорила и вдруг замолчала на полуслове. Больше я ничего не смогла из нее выжать. Так мне и осталось неизвестным все остальное. Я так и не узнала, почему она рассказывала в основном об отце и внезапно замолчала.

– Из всего этого можно сделать вывод, что с вашей подругой, с ее юностью связана какая-то тайна, – заключил Гуров.

– Да, с ней была связана тайна, – согласилась художница с заявлением Льва Ивановича. – Видимо, там было что-то тяжелое, страшное. Поэтому она и не хотела об этом говорить. Этот страшный мужик, о котором вам рассказала Настя, тоже пришел из ее прошлого. Эту тайну Лена унесла с собой в могилу.

– Не замечали ли вы с Леной, что за вами следят? – спросил сыщик. – Не помните каких-то подозрительных людей, которые крутились возле вас?

Художница вновь покачала головой и произнесла:

– Нет, не могу вспомнить ничего, похожего на то, о чем вы говорите. Таких людей, как человек с того снимка, возле нас не было. Хотя нет, это не совсем так. Знаете, я вспоминаю, что в последние две недели... Вас ведь, Лев Иванович, интересует именно этот период?

– Да, меня интересует время с середины августа до сегодняшнего дня, – ответил сыщик.

– Так вот, в это время я заметила возле театра одного развязного молодого человека.

– Молодого? – с удивлением повторил Гуров. – Вы уверены?

– Да, это был человек совсем другого типа, чем тот, который запечатлен на ваших фотороботах. Таких молодых людей часто можно увидеть на улицах. Шорты, толстовка, походка такая вихляющая.

– Этот человек, он что, заговаривал с Прокофьевой? – спросил Гуров. – Пытался познакомиться с ней?

– Нет, он не заговаривал. Вообще держался все время в стороне. Кажется, Лена его даже не заметила. Это вполне можно понять. Вокруг нее все время вились какие-то мужчины, молодые люди, которым хотелось завести знакомство с известной актрисой. Если обратить хоть какое-то внимание на таких типов, то они тут же подсакивают, начинают ухаживать. Поэтому она научилась их не замечать. Я – другое дело. У меня наблюдательность развита профессионально. Я замечаю все новые лица, которые попадают в поле моего зрения.

– А вы могли бы описать этого молодого человека? – спросил сыщик.

– Да, конечно, – отвечала художница. – На вид ему можно было дать года двадцать три – двадцать четыре. Рост около ста восьмидесяти сантиметров. Волосы светлые, соломенно-го оттенка. Глаза карие. Движения такие, знаете, развинченные. Как-то примерно так выглядят люди, которые регулярно употребляют кокаин или другие наркотики.

– А вам доводилось видеть подобных персонажей? – с некоторым недоверием спросил Гуров.

Сам он по роду службы часто встречался с наркоманами, имел о них представление. Но откуда о них знает театральная художница?

– Я же вам говорила, что у меня очень неплохо развита наблюдательность, – отвечала Ольга. – Я обращаю внимание на людей, их лица, движения. Кроме того, в театральной среде личности такого рода встречаются довольно часто. Может, это не совсем наркоманы, но они балуются всякими возбуждающими средствами. Так что я в этом немного разбираюсь.

– Извините за мое недоверие, – сказал Гуров. – А вы могли бы помочь нам составить фоторобот этого человека, как мы сделали портрет того, первого?

– Почему же нет? Наверное, смогла бы, – отвечала художница. – Только не сейчас. Теперь мне нужно идти в садик забирать сына. Потом я не смогу его оставить. С ним ехать куда-то совершенно невозможно. Может быть, я смогу подойти завтра утром. После девяти я свободна.

– Хорошо, давайте договоримся на завтра, на девять часов, – проговорил сыщик. – Вы знаете, где находится Управление внутренних дел? Вы подъедете туда, позвоните мне, и я вас провожу в нужное место. Вот, запишите мой телефон. – Гуров продиктовал Ольге номер своего мобильного.

Затем они вместе вышли из дома, где и расстались. Ольга отправилась в садик за сыном.

Гуров достал телефон, хотел было вызвать такси, но тут подумал, что день уже близится к вечеру, а он ни разу не разговаривал со своим другом Стасом Крячко.

«Нет, так не годится, – решил сыщик. – Какой смысл было ехать сюда вдвоем, если вести расследование нам приходится поодиночке?»

Он позвонил Стасу.

Тот ответил сразу:

– Слушай, я перезвоню тебе через десять минут. Тут у меня как раз важный разговор идет.

После этого Стас сразу отключился.

Гуров пожал плечами, но не слишком удивился. В их работе бывало всякое. Если Крячко и в самом деле был занят беседой с важным свидетелем, то этот процесс, конечно же, не стоило прерывать.

Так что Гуров не стал вызывать такси. Он рассудил, что Крячко может сообщить нечто настолько важное, что ему придется менять свои планы и ехать к нему. Поэтому сыщик не стал никуда звонить. Он просто прохаживался неподалеку от дома, в котором жила Ольга Мерцлина.

Так в ожидании прошло минут пятнадцать.

Потом Крячко наконец-то позвонил и сказал:

– Я тут беседовал с очередным картежником.

– С Ибрагимовым или Штейнером? – полюбопытствовал Гуров.

– Какие же старые имена ты называешь! – заявил Кряч-

ко. – С ними я еще утром поговорил. Сейчас у меня состоялся разговор с неким Родионом Кусакиным, который встречался с Кешей Прокофьевым за карточным столом аж целых четыре раза. Для меня на сегодняшний день это была беседа номер двенадцать.

– Ого! – уважительно откликнулся Гуров. – Я не могу похвастаться такими успехами. Как я понимаю, господин Кусакин сообщил тебе нечто важное?

– Ты совершенно прав, друг, – отозвался Крячко. – Кусакин стал вторым моим собеседником, который сообщил о неизвестном молодом человеке, который крутился возле их компании.

– Так-так! – произнес Гуров.

Он сразу оценил важность новости, которую сообщил ему Стас. Значит, и тут был какой-то молодой человек!

– А что значит неизвестный? – осведомился Лев Иванович. – Этот Кусакин его не знал?

– Его никто не знал из их компании! – отвечал Крячко. – Хозяин квартиры думал, что его привел кто-то из гостей, а те сочли, что это друг хозяина. Но недоразумение выяснилось, и молодого нахала выпроводили. Картежники решили, что это к ним наведалься сотрудник управления, и в этот вечер играть не стали, разошлись. Они снова собрались через неделю, но молодого человека уже никто не видел.

– А как твой свидетель описал этого нахала? – спросил Гуров. – Он, случайно, не блондин?

– Точно, блондин, – ответил Крячко, удивленный осведомленностью друга. – А ты откуда знаешь?

– Потому что мне описали, кажется, именно этого человека, который следил за Еленой Прокофьевой, – ответил сыщик. – Слушай, а ты можешь попросить Кусакина составить фоторобот этого нахала?

– Неужели я сам не догадался бы о таком элементарном действии? – заявил Крячко. – Откуда я тебе, как ты думаешь, звоню? Из коридора управления. Рядом, в кабинете оператора-криминалиста, сидит Родя Кусакин и составляет фоторобот.

– И очень хорошо делает, – сказал Гуров. – Тогда я не буду спешить. Я дождусь, пока из детского сада вернется одна замечательная женщина-художник, потом попробую ее уговорить отправиться к тебе. Мы приедем все вместе. Только учти, Стас, что тебе придется развлекать трехлетнего малыша. Ты как, с такой задачей справишься?

Полковник Крячко после этих слов своего товарища некоторое время молчал, потом осторожно спросил:

– Скажи, Лев, ты как себя чувствуешь? Только честно.

– Чувствую я себя вполне удовлетворительно, чего и тебе желаю, – ответил на это Гуров. – Впрочем, ты скоро сам все поймешь. Подожди меня полчаса, и тебе все станет ясно.

Глава 13

Труднее всего оказалось убедить Олю Мерцлину в том, что полковник Крячко, совершенно незнакомый ей, сможет развлечь ее сына Алешу, пока она займется улучшением фоторобота неизвестного блондина. Все остальное никаких трудностей не вызвало.

Гуров вызвал такси, и они вдвоем доехали до управления. Там их встретил изрядно растерянный Стас Крячко. Гуров объяснил ему боевую задачу, подсказал некоторые элементарные способы ее решения. После этого он проводил Олю в комнату криминалистов, где она села перед монитором и принялась доделывать и улучшать довольно грубый фоторобот, составленный по описанию картежника Кусакина. Гуров ей в этом помогал. Ну а Крячко развлекал ребенка, как уж мог.

Когда спустя час Гуров и Оля вернулись в кабинет майора Проценко, где оставили Стаса и малыша, они обнаружили, что все столы завалены рисунками экзотических растений и фантастических животных. Это было творчество Алеши. Крячко на свободном куске бумаги под его чутким руководством пытался изобразить крылатого жирафа. В общем, при расставании Стас особенно не горевал и не просил мальчика побыть еще.

Когда сыщики остались вдвоем, Крячко с упреком взгля-

нул на друга и спросил:

– Полученный результат стоил моих невероятных мучений? Вы хоть что-нибудь наработали?

Вместо ответа Гуров молча протянул другу портрет, созданный при участии Оли. Крячко взглянул на картинку, и его лицо тут же изменило выражение. Оно стало серьезным, на нем проступило удивление.

– Надо же! – произнес он. – Вот это другое дело. Имея такой портрет, можно вести поиски.

– И не только вести поиски. Можно и найти этого блондина, – дополнил его мысль Гуров. – Просто первоклассный портрет! Нам с тобой в этом расследовании вообще везет со свидетелями. Один – актер, другая – художник. У них профессионально развита память, портреты подозреваемых получаются такие, словно их в СИЗО фотографировали.

– Ну, до СИЗО дело еще надо довести, – заметил Крячко. – Но в целом я считаю, что мы с тобой сегодня очень даже неплохо поработали. Теперь можно направиться в нашу гостиницу и приступить к ужину.

– Как в гостиницу? – с удивлением спросил Гуров. – А не рано?

– Скажешь тоже! – возразил Крячко. – Ты хоть знаешь, сколько сейчас времени? Половина одиннадцатого! Я вообще удивляюсь, как этот милый ребенок тут не заснул.

Гуров взглянул на часы и покачал головой.

– Да, и правда половина одиннадцатого. Я даже не заме-

тил, как время прошло. А тому, что ребенок не заснул, удивляться не стоит. В этой семье, видимо, принят свой график, не тот, который рекомендуют педагоги. Оля и ее муж, как мне кажется, привыкли ложиться поздно и приучили к тому же своего сына. Ладно, пошли в гостиницу.

– Только надо будет по дороге заглянуть в какой-нибудь супермаркет, – сказал Крячко. – А то придем на ночлег с пустыми руками и голодными глазами.

– Да, надо будет что-то купить из еды, – согласился Гуров с заявлением друга. – За ужином обсудим ситуацию. Накопилось много новой информации, ее требуется обдумать.

Сыщики зашли в один магазин, потом в другой, в результате прибыли в гостиницу, нагруженные пакетами с едой.

Спустя некоторое время на столе в комнате Гурова красовался вскипевший чайник, перед каждым из друзей стояли стакан с чаем и тарелка с бутербродами, приготовленными общими усилиями. Сыщики приступили к еде, и некоторое время в номере царило молчание.

Но вот эти кулинарные шедевры были съедены, оба оперативника налили себе по второму стакану чая, и Гуров сказал:

– Ну и что ты думаешь насчет этого второго фигуранта? По-твоему, он имеет какое-то отношение к рецидивисту, портрет которого мы получили первым?

Как видно, Крячко сам думал над тем же вопросом, потому что ответил сразу, без промедления:

– Мне кажется, да, имеет. Смотри, оба наши фигуранта, как рецидивист, так и блондин, появились возле Елены Прокофьевой в одно и то же время. Они были замечены актерами и друзьями Елены. Рецидивист проявил интерес к театральной уборной актрисы и к даче Прокофьевых, а блондин пытался втереться в компанию картежников. Складывается впечатление, что эти типы являются сообщниками.

– Ну-ка, ну-ка, интересно, – сказал Гуров. – Я вижу, ты уже составил себе картину этого преступления. Давай не тяни, изложи эту картину.

– Сейчас нарисую ее тебе в лучшем виде, – пообещал Крячко. – А ты что лимон себе не положил? Забыл? Давай-ка я за тобой поухаживаю. Я же знаю, зачем ты меня с собой в командировки берешь. Я у тебя вроде няньки, чтобы...

– Я тебя беру уж точно не для того, чтобы ты мое терпение испытывал, – прервал монолог друга Гуров. – Рассказывай, какие там у тебя выводы, не тяни.

– Все, больше тянуть не буду, – заявил Крячко. – Попытаюсь обрисовать ситуацию именно так, как она развивалась с самого начала. Некий молодой человек откуда-то узнал, что бизнес-тренер Прокофьев имеет дополнительный доход. Он систематически обыгрывает своих карточных партнеров, и его профит достиг уже нескольких миллионов. Блондин хочет добраться до этих денег, но не знает, как это сделать. Тут он встречает человека, который умеет грабить и убивать, является в этом деле специалистом, и рассказывает ему

о богатстве Иннокентия Прокофьева. Рецидивист выслеживает жену картежника, затем нападает на квартиру, пытается женщину, стараясь добраться до клада. Однако Елена, на ее несчастье, понятия не имеет об этих деньгах. В результате бандит ее убивает. — Крячко замолчал и выжидательно взглянул на друга.

Гуров некоторое время обдумывал услышанное, затем сказал:

— Да, картина, нарисованная тобой, выглядит довольно убедительно. Но какие выводы мы можем из нее сделать? Будут ли эти двое сообщников и дальше пытаться добраться до клада, спрятанного Иннокентием? Или они пошлют его куда подальше и будут брать то, что можно взять без особых усилий — магазин, какого-нибудь богатого коллекционера?

— Судя по тому, что рецидивист ограбил магазин, правильным является второй вариант, — отвечал Крячко. — Сообщники поняли, что до карточных денег им не добраться. Теперь они будут заниматься другими делами. Так что нам надо установить посты наблюдения в торговых центрах, возле автосалонов, контор, где заключают сделки по продаже недвижимости, других таких заведений. Рано или поздно эта парочка попадет в наши сети.

Гуров внимательно выслушал слова друга, затем неожиданно резко покачал головой и сказал:

— Нет, Стас, тут я с тобой не согласен. Сегодняшнее ограбление магазина — это не почерк бывшего налетчика, не охота

за крупной добычей. Такое дело скорее похоже на поиск денег на текущие расходы. Обрати внимание, рецидивист действовал здесь один, не привлекал своего сообщника. Он не считает эту акцию важной, относится к ней как к проходному действию. Мне кажется, что рецидивист – человек упорный. Он не привык отступать, будет стараться ухватить карточный куш. Значит, нам надо усилить наблюдение за Прокофьевым и его квартирой. А торговые центры и риелторские конторы пока можно оставить в покое.

– Интересно, кто из нас окажется прав, – сказал Крячко. – Что ж, ты старший, тебе и решать. Будем заниматься Прокофьевым. Хотя скажи-ка, ты уверен, что несчастный Иннокентий был с нами полностью честен?

– Что ты хочешь сказать? – спросил Гуров.

– Всего лишь то, что в том месте, о котором нам сообщил, он мог хранить только часть своего выигрыша. Есть и другое, о котором не знает ни майор Проценко, ни рецидивист. Надо выяснить, не имеет ли Иннокентий еще какой-то собственности.

– А что, это интересная мысль, – сказал Гуров. – Ты ведь завтра будешь заниматься другими партнерами Прокофьева. Вот и постарайся у них узнать, нет ли у нашего бизнес-тренера еще какой-то собственности. А я постараюсь побольше узнать о прошлом Елены Прокофьевой.

– А почему нас должно интересовать ее прошлое? – полюбопытствовал Крячко. – Какое отношение оно может иметь

к поиску преступника?

– Понимаешь, у меня не выходит из головы фраза, которую почти дословно повторили обе подруги Елены, и Настя, и Оля, – ответил Гуров. – Они обе сказали, что Лена была очень скрытным человеком во всем, что касалось ее прошлого. Возможно, что там, в прошлом, скрыта какая-то тайна, которая как раз и может иметь отношение к ее убийству.

– Значит, для нас с тобой ты определил направления работы, – сказал Крячко. – Ну а местные оперативники чем будут заниматься? Что ты оставишь для майора Проценко и его коллег?

– У майора направление будет самое трудоемкое, – отвечал Гуров. – Он станет искать обоих фигурантов – и рецидивиста, и блондина. Тут и вокзалы, и гостиницы, и люди, которые сдают свои квартиры постояльцам на сутки-двое без всякой регистрации.

– Ты думаешь, наши фигуранты живут в таких местах? – осведомился Крячко.

– Да, я пришел к выводу, что искать их нужно именно там, – убежденно произнес Гуров.

– Но погоди. Выходит, ты считаешь, что эти люди приезжие, оба не из Заозерска, да? Но почему ты так думаешь?

Гуров пожал плечами:

– Трудно объяснить. Но почему-то мне кажется, что оба фигуранта – не местные жители. Мне кажется, что они никого здесь не знают. Это, с одной стороны, затрудняет им

жизнь. Все приходится узнавать заново, всякая информация дается с трудом. С другой стороны, это затрудняет нашу работу. Их здесь никто не знает, не может дать нам наводку. Доказать я не могу, но в этом уверен. В общем, считай, что тут работает моя знаменитая интуиция.

– Вот видишь! – торжествующе воскликнул Крячко. – В конечном счете ты всегда больше полагаешься на свою интуицию, чем на что-то другое! Разве я этого не говорил?

– Говорил, – нехотя произнес Гуров. – Ладно, хватит разговоров на сегодня. Давай все тут уберем и будем ложиться. Завтра у нас полно работы.

Глава 14

Следующий день Гуров начал, как и планировал, с изучения личности погибшей актрисы. Он уже встречался с двумя ее подругами, Настей Веретенниковой и Олей Мерцлиной. Теперь настала очередь третьей, Наташи Колесовой, которая работала в филармонии и играла в оркестре театра. Телефон Наташи у Гурова имелся. Его дал ему Иннокентий Прокофьев.

Правда, с утра дозвониться до Наташи Льву Ивановичу не удалось.

«Ну да, музыканты рано не встают, – подумал Гуров. – Они такие же полуночники, как и актеры. Ладно, займусь другими делами».

Он поехал в театр и провел несколько бесед с актерами, с которыми не встречался накануне. От них он перешел к костюмерам, осветителям и даже рабочим сцены. В общем, в то утро сыщик успел побеседовать почти со всеми людьми, работавшими в театре. Впрочем, эти беседы дали ему не слишком много, так, удалось уточнить кое-какие детали.

При этом каждые полчаса Гуров доставал телефон и пытался дозвониться до Наташи Колесовой.

Только в половине одиннадцатого сыщик услышал глухой женский голос:

– Да? Кто это меня все утро домогается? Я слушаю. Чего

вы хотите?

– Я полковник полиции, моя фамилия Гуров, – ответил сыщик. – Я приехал из Москвы, хочу поговорить с вами о вашей погибшей подруге Лене Прокофьевой. Это необходимо для расследования убийства. Когда мы можем встретиться?

Тон Наташи сразу изменился.

– Ох, простите меня, – сказала она. – Да, конечно, встретиться. Я, правда, только встала, еще не завтракала. Можем мы увидаться, скажем, через час?

– Постарайтесь управиться со своими делами побыстрее, – жестко ответил Гуров. – Я к вам подъеду через сорок минут. Скажите адрес.

– Нет, у меня будет неудобно, – заявила Колесова. – Мне все равно сегодня нужно быть в театре, у нас репетиция с участием оркестра. Хорошо, я постараюсь приехать туда через сорок минут.

Прибыла пианистка не через сорок минут, а через час с четвертью. Этот час показался Гурову вечностью. Он уже пожалел о том, что согласился ждать Наташу в театре, а не поехал к ней домой. Но вот свидетельница наконец-то приехала.

Колесова оказалась невысокой, склонной к полноте женщиной. Гуров даже удивился, что Елена Прокофьева, настоящая красавица и талантливая актриса, выбрала себе такую подругу. Они сели в кабинете Саморукова, который тот им любезно предоставил. Сам главный режиссер, как и всегда

в это время, был на репетиции.

Гуров начал разговор с традиционных вопросов о людях, окружавших убитую актрису, о незнакомцах, которые могли появиться возле нее. Но тут он ничего нового не узнал.

Наташа, в отличие от двух других подруг Елены, не отличалась наблюдательностью, к тому же мало гуляла. Они с Еленой встречались в театре или дома у пианистки. Так что Колесова и не могла увидеть людей, которые следили бы за Прокофьевой.

Но вот разговор перешел на характер Лены, на ее прошлое, и тут Гурова ожидало настоящее открытие.

– Да, вы правы, Лена была человеком скрытным, – сказала Колесова. – Я заметила, что у нее, по всей видимости, было непростое детство.

– Почему вы так решили? – спросил Гуров.

– Понимаете, она несколько раз невольно демонстрировала хорошее знакомство с криминальной средой, с блатной лексикой, с уголовными обычаями, – ответила Колесова. – Я сама в какой-то степени знакома с этой средой. Так уж получилось. Многие мои друзья играли в ресторанах, вращались в этих кругах. Я знаю эту лексику, эти речевые обороты. Когда я слышала их от Лены, то сказала себе: «Ага, ты тоже встречалась с этими людьми!» Правда, когда я попыталась ее расспросить об этой стороне жизни, она сразу замкнулась и не стала отвечать. Но потом произошла та история с сумкой. – Тут Наташа сделала паузу, достала сигареты, закурила.

Она явно не спешила продолжать рассказ, может быть, даже жалела о том, что вообще упомянула этот эпизод.

Однако Гуров не собирался на этом останавливаться.

– Что за история? – спросил он. – О какой сумке вы говорите?

– Понимаете, примерно полгода назад, ранней весной, случился такой эпизод, – снова заговорила пианистка. – Как-то вечером Лена пришла ко мне домой. В руках она несла сумку, довольно большую. С такими люди обычно отправляются в поездки. Увидев это, я удивилась и спросила, не собралась ли Лена на очередные гастроли. Она ответила, что никаких гастролей не предвидится. Просто на вокзале вдруг закрыли на ремонт камеры хранения, и ей стало негде хранить эту вещь. Дескать, поэтому она просит меня подержать сумку у себя какое-то недолгое время. Как вы понимаете, все это звучало довольно странно. Поэтому я осторожно спросила, почему вообще нужно держать эту вещь где-то в камере хранения. Неужели нельзя отнести ее домой? Ответ был такой: «Я пока не хочу, чтобы Кеша об этом знал. Я ему все расскажу, но потом, не сейчас. Впрочем, если тебе это трудно, то я могу обратиться к Оле или Насте». Вы ведь знаете, что между подругами всегда существует некая ревность. Каждая из нас хотела быть ближе остальных к Лене. Тот факт, что она принесла эту вещь именно мне, говорил о многом. Нет, я, разумеется, не могла отказать ей в такой просьбе, сказала, что оставляю сумку, буду ее хранить, сколь-

ко нужно, поставлю в шкаф, рядом с моими чемоданами.

– Она согласилась? – спросил Гуров.

– Представьте себе, нет, – отвечала Наташа. – Она спросила, заглядывает ли Игорь в этот шкаф. Игорь – это мой муж. Я ответила, что там хранятся и его вещи. Поэтому он вполне может туда заглянуть. Тут Лена весьма решительно сказала, что эту сумку никто не должен видеть. «У тебя есть место, где ее никто не заметил бы?» – спросила она. Я подумала и ответила, что у нас есть старый комод, где я храню ноты, музыкальные журналы и еще кое-какие личные вещи. Пожалуй, эта сумка поместится в нижнем ящике этого комода. Но Лене это не успокоило. Она захотела сама убедиться в том, что сумка туда войдет. Мы прошли в комнату. Я показала Лене комод. Она лично засунула туда сумку и взяла с меня слово, что ее никто не увидит, я никому о ней не скажу. Только после этого подруга ушла.

– Очень любопытно, – заметил Гуров. – Как долго эта загадочная сумка пробыла в вашем комодe?

– Две недели ровно, – отвечала Наташа. – Лена просила хранить ее дольше. Она говорила о месяце, но на самом деле пришла через две недели и сказала, что может забрать свою сумку. Я, помнится, еще спросила: «Что, камеру хранения уже починили?» Она ответила, что про камеру ничего не знает, нашла другое место. Подруга поблагодарила меня, забрала свое сокровище и удалилась.

– Стало быть, сумка была у вас две недели. Неужели вы не

попробовали узнать, что в ней находится? – спросил сыщик.

Музыкантша слегка покраснела.

– Вообще-то я пыталась это сделать, – призналась она. – Но у меня ничего не получилось. У этой сумки не было никакой молнии. Ее верх был зашит наглухо. Когда я это увидела, страшно удивилась, поняла, что тут действительно есть тайна, мне не стоит спрашивать мою подругу о том, что она хранит в этой сумке. Вот я и не спрашивала. Так что ничего вам об этом сказать не могу.

– А она была тяжелая, эта сумка? – спросил Гуров.

– Да, довольно тяжелая, – отвечала пианистка. – Я ее, правда, только один раз поднимала, когда засовывала в комод. Но оценила, какая это тяжесть. Думаю, в ней было килограммов пятнадцать, вряд ли меньше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.